

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НИК
ПЕРУМОВ

АЛЕКСАНДРОВСКИЕ
КАДЕТЫ
СМУТА. ТОМ 1

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Ник Перумов

**Александровские
Кадеты. Смута. Том 1**

«Эксмо»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Александровские Кадеты. Смута. Том 1 / Н. Перумов —
«Эксмо», 2021 — (Новый фантастический боевик (Эксмо))

ISBN 978-5-04-196558-7

Ник Перумов известен всем поклонникам фэнтези и фантастики, на его книгах выросло два поколения. Распроданы миллионы экземпляров его книг. Новый роман «Смута» — вторая и завершающая книга дилогии «Александровские кадеты». Увлекательная история о бравых ребятах из кадетского корпуса, которые оказались на перекрестке времён, где им встречаются люди из самых разных эпох, одержимые собственными идеями.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196558-7

© Перумов Н., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Зачин	6
Взгляд назад – 1	6
Пролог	43
Глава 1	52
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ник Перумов
Александровские Кадеты
Смута. Том 1

Иллюстрация на переплете – Лариса Клепакова

© Перумов Н., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Зачин

Взгляд назад – 1

Гатчино, январь 1909 года

Кадет Фёдор Солонов (первое отделение, седьмая рота Александровского кадетского корпуса) сидел на жёсткой госпитальной скамье. Сидеть было неудобно, и он всеми силами заставлял себя думать только и исключительно об этом. Сидеть неудобно, неудобно сидеть. Жёстко. Почему нельзя поставить в коридоре корпусного лазарета нормальные мягкие банкетки?

Стояла глухая ночь. Корпус спал, спал в своей постели верный друг Петя Ниткин, и только он, Фёдор – в форме и при полном параде – явился сюда, в госпиталь, под предлогом того, что «услыхал, как несли раненого».

Скрипнула дверь. Нет, не та, которую он ждал с ужасом и надеждой, входная, слева от него. Торопливые шаги, перестук каблучков.

– Федя! Фёдор, зачем ты здесь?!

И сразу же через порог шагнули подбитые железом офицерские сапоги:

– Да, Фёдор, что ты тут сидишь? В такое-то время!.. Как ты здесь вообще оказался?..

Ирина Ивановна Шульц, преподавательница русской словесности, и подполковник Константин Сергеевич Аристов, начальник седьмой роты, а заодно – и командир первого отделения. Ну, и преподаватель военного дела. Он же – Две Мишени, поскольку на щеках у него после плена у диких афганцев остались вытатуированы две аккуратные мишени, ну хоть сейчас в тир.

– Илья Андреевич... – выдавил кадет, сейчас совершенно не бравый, а более походящий на мокрого и несчастного котёнка. – Илью Андреевича... у... у...

– Господина Положинцева сейчас оперируют, – мягко сказал Две Мишени, кладя Фёдору руку на плечо. – Слава Богу, полиция и доктора успели вовремя. Спасибо государю, устроившему в Гатчино эту станцию для немедленной подачи скорой помощи. И спасибо нашим попечителям, великому князю Сергию, что лазарет у нас лучше любой градской больницы.

– Он... он... он у... у...

Кажется, кадет собирался самым постыдным образом разреваться.

– Всё в руце Божьей, – серьёзно сказала Ирина Ивановна. – И наших докторов. Илью Андреевича оперируют. Мы сейчас можем только молиться, Феденька.

– Но я рад, что жизнь человеческая, жизнь учителя для тебя так значима, Фёдор, – добавил подполковник. – Я знаю Илью Андреевича не так давно, как, скажем, капитанов Коссарта с Ромашкевичем – с ними мы ещё в Маньчжурии воевали, – но человек он хороший и отличный учитель. Был у нас такой кадет, ныне уже поручик, по фамилии Зубрович – Илья Андреевич ему такую любовь к физике внушил, что занимается теперь этот поручик ни много ни мало, а налаживанием армейской беспроводной связи. Так, так, кадет, отставить! Господин Положинцев сего света не покидал и, верю, долго ещё не покинет!.. Но как ты узнал?..

Фёдор застыл, опустив голову и упрямо разглядывая собственные руки. Нормальные руки, мальчишеские, в ссадинах и царапинах, как положено. Но царапины заживут, а вот Илья Андреевич...

И нельзя, нельзя никому ничего говорить! Нельзя говорить, где носило их с Бобровским, что они делали в Приоратском дворце, что они там видели и слышали. Все должны думать, что он, Фёдор, печалится и тревожится за судьбу одного из любимых учителей, хотя на самом деле это не так. Нет, конечно, Фёдор и тревожился, и печалился, но, признавался он себе честно,

страх за себя его тоже глодал. Что, если всё вскрыется? Что, если прислуга из Приората проболтается полиции?..

От одних этих мыслей всё леденело внутри; и за этот холод Федя себя ненавидел тоже. Как можно так за себя бояться?! Разве папа в Маньчжурии или Две Мишени до этого в Туркестане тряслись так, как он сейчас? Какой же из него кадет, какой офицер?..

Госпожа Шульц, кажется, понимала, что с ним сейчас что-то очень неладно, но, конечно, не могла определить, что именно. Сидела рядом, положив руку ему на плечо, покачивала головой.

– Оставьте мальчика в покое, Константин Сергеевич, сейчас не время выяснений... Не надо отчаиваться, Федя, – говорила она, и в голосе её звучала непоколебимая уверенность. – Илья Андреевич ранен, и ранен опасно; однако на нём были и толстая шуба, и ватная куртка...

Фёдор слушал и не слышал. Толстая шуба... ватная куртка... если стреляли из «маузера», то его пуля в упор пробивает десять дюймовых досок. Шансов нет.

И всё потому, что он, Фёдор, не сказал Илье Андреевичу вовремя о том, что знает его тайну, что был в его мире и вернулся обратно – вот только не ведает, что случилось с самой машиной, куда она исчезла из подземной галереи. Может, тогда бы Илья Андреевич не рисковал бы, строил бы новый аппарат с их – Фёдора и Пети Ниткина – помощью...

От этого стало совсем скверно. Федя Солонов свернулся на скамье в какое-то подобие шара, скорчился, сжался на жёстких лакированных досках.

Если бы он только сказал!..

Если бы только он сознался, что они с Бобровским лазали в потерну!..

Едва слышно приотворилась тщательно смазанная дверь. Шаги совсем рядом, тяжёлый вздох.

– Простите, господа, вы – родственники пострадавшего?..

Профессор Военно-медицинской академии Николай Александрович Вельяминов¹, знаменитый хирург, по счастью находившийся со студентами на практике в дворцовом госпитале Гатчино.

– Мы его коллеги, ваше превосходительство, – подполковник Аристов, казалось, едва выговаривает слова. – А этот кадет – его ученик. У Ильи Андреевича не было ни родных, ни близких...

– Сделано всё, что в человеческих силах, – перебил Вельяминов. – Три пули. Стреляли из револьвера – система «нагана». По счастью, ни один жизненно важный орган не задет. Но ранения всё равно тяжёлые, возможен сепсис.

Две Мишени с Ириной Ивановной заговорили разом, но Федя уже не слышал. Илья Андреевич жив!.. Жив, хоть и ранен, и тяжело!..

– Ну вот видите, кадет Солонов, – раздался над самым ухом голос Константина Сергеевича. – Всё будет хорошо. Николай Александрович, кстати, упомянул некоего доктора Тартаковского², который якобы разрабатывал новое средство от заражений... Но это уже совсем иное дело, а теперь поведайте мне, Фёдор, как вы оказались в корпусном лазарете?..

– Не могу знать, господин подполковник!

Кажется, он сумел удивить даже Двух Мишеней.

– То есть как «не могу знать», кадет?

---

¹ Н. А. Вельяминов (1855–1920) – в нашей реальности хирург, лейб-медик, тайный советник (что соответствовало званию «генерал-лейтенант»), врач императора Александра Третьего, академик Императорской военно-медицинской академии.

² Михаил Гаврилович Тартаковский (1867–1935) – в нашей реальности эпизоотолог, микробиолог и патологоанатом. В 1904 году опубликовал работу, где показал, что «выделяемое зелёной плесенью вещество подавляет возбудителя куриной холеры», то есть почти что открыл пенициллин. Был репрессирован и погиб в пересыльном лагере.

– Проснулся, господин полковник! Глянул в окно – а там огни, суматоха!.. Ну я и того... тревожно стало... оделся... чую, не могу сиднем сидеть... вышел... фельдфебель-то мне как раз и сказал, что Илью Андреевича привезли...

Последняя часть – с фельдфебелем – была чистой правдой.

– Ну я и побежал, спать уж не смог...

– Константин Сергеевич, ну что вы, в самом деле, – укоризненно заметила Ирина Ивановна. – Дети отличаются особой чувствительностью, которую мы зачастую не понимаем...

– Спросите у фельдфебеля, господин подполковник! – приободрился Фёдор. – У Фаддея Лукича!

Две Мишени кивнул.

– Фаддей Лукич, значит...

– Господин подполковник, – уже резче перебила госпожа Шульц. – Ну что же вы, не видите, что ли, – Фёдор не лжёт? Он же знает, что у дядьки мы всегда справиться можем!

– Да вижу, вижу, – проворчал Константин Сергеевич. – Ладно, кадет. Ступайте спать. Завтрашние... то есть уже сегодняшние занятия никто отменять не станет.

– Так точно! – вытянулся Фёдор.

– Ступайте, ступайте, – махнул рукою Две Мишени. – Вы тоже, Ирина Ивановна... ступайте. А я пойду, надо посмотреть, кого поставим на замену Илье Андреевичу...

К себе в комнатку Фёдор доплёлся в буквальном смысле на заплетающихся ногах. Механически разделся, лёг, уставился в тёмный потолок. Нет, сна не было, как говорится, ни в одном глазу.

Кто, кто покусился на Илью Андреевича? Конечно, это могли быть и простые грабители – но, если верить книжке «Гений русского сыска», обычно такого не случается, уличные воры и даже громилы избегают стрельбы и вообще шума. К тому же место выбрано было крайне неудачно – рядом с Приоратским дворцом, а там – прислуга, люди, телефон, в конце концов. Нет, хотели именно убить. Правда, тоже не лучшим образом. Но Илья Андреевич никуда особенно не ходил, в последнее время и подавно – сидел в кабинете, ладил свою диковинную машину; Фёдор почти не сомневался, что этот аппарат – на замену исчезнувшему. Видно, эти двое убийц следили за корпусом и решили, что момента упустить нельзя.

Но почему?.. Кому потребовалось убивать Илью Андреевича? Эх, Петя спит, он-то бы мигом вспомнил, случалось ли учителям кадетских корпусов погибать от рук бомбистов или им подобных.

В общем, кадет Солонов только даром проворочался до самой побудки. На завтраке было ещё ничего, а вот на первом же занятии Фёдор принялся неудержимо клевать носом.

По счастью, это оказался Закон Божий, и отец Корнилий в класс вошёл с видом весьма озабоченным.

Лев Бобровский – вот уж с кого всё как с гуся вода! Свеж, как огурчик, будто ничего и не случилось вчера! Бойко и чётко доложил, что «кадет всего в наличии двадцать», прочёл молитву, однако священник лишь вздохнул и стал рассказывать о приключившейся с «наставником вашим Ильёй Андреевичем» беде, вспомнил Феофана Затворника³, слова святителя, что «Бог внимает молитве, когда молятся болящею о чём-либо душою. Если никто не воздохнёт от души, то молебны протрещат, а молитвы о болящей не будет» – и вскоре класс дружно читал молитвы о здравии раба Божьего Илии.

Во всяком случае, никого не спрашивали и оценок никаких не ставили.

---

³ Феофан Затворник (1815–1894) – русский богослов, знаменитый проповедник своего времени, епископ Тамбовский и Шацкий, затем Владимирский. С 1872 года – в затворе, в Вышенской пустыни Тамбовской епархии.

Само собой, кадеты зашумели и зажужжали, стоило отцу Корнилию, благословив их на прощание, выйти из класса. Петя Ниткин так вовсе остался сидеть, пригорюнившись, и, кажется, с трудом удерживался, чтобы не расплакаться; это позволило Фёдору немедленно взять за пуговицу Лёву Бобровского.

– Тихо, Слон, тихо! – зашипел в ответ тот. – Ну, чего ты с ума сходишь?! Нам молчать надо, никому ни слова! Ниткину в особенности!

– Сам знаю, что тихо надо! – огрызнулся Фёдор. И рассказал, что просидел ночью в лазарете, что на него натолкнулись там Две Мишени с госпожой Шульц, что он, конечно, отговорился, но...

– Вот балда! – Бобровский весь аж оцетинился, словно разозлившийся кот. – Надо ж такое было удумать!.. Да ещё и попался! Думаешь, Двух Мишеней обмануть сможешь?! Ха, чёрта с два! Аристов – он умный! Догадается, что не мог ты сам об этом прознать!

– Я фельдфебеля встретил... спросил...

– Ну тогда ещё ладно, – проворчал Лев. – Ну вот как так, Слон? Ну что ж ты вечно голову в улей суёшь?

– Моя голова – куда хочу, туда и сую! – обозлился Фёдор. Обозлился от того ещё больше, что понимал – Бобровский, как ни крути, во многом прав.

– Суй! Если б ещё мою голову с собой бы не поволок!..

– Эй, вы тут о чём? – рядом с ними возник Петя Ниткин. Глаза успели покраснеть. – Илья Андреевич при смерти, а они тут...

– Нитка! Отвяжись, – грубовато бросил Бобровский. – Не до тебя, плакальщик. Мы тут думаем, кто на Положинцева покуситься мог. Хочешь, давай с нами думать. А реветь – не, это к тальминкам.

– А я и не думал плакать! – покраснел Петя.

– Бабушке своей это Расскажи, – пренебрежительно бросил Лев. – Ладно, Слон, бывай.

– Станный он, Бобёр, – Петя вздохнул. – Умный, но злой. Злой, но умный.

– Да забудь ты про него, – нетерпеливо оборвал его Фёдор. – Вот что, слушай меня внимательно...

...До начала следующего урока Солонов успел кратко пересказать Пете случившееся. Пересказал – и отнюдь не чувствовал себя предателем. Разобраться в случившемся мог только Ниткин – вернее, разобраться без него вышло бы куда дольше и труднее, если вообще получилось бы.

К чести Петра, выслушал он Фёдора с поистине спартанским хладнокровием. И никаких замечаний, что более подошли бы его, Феდიной, маме, не делал. Сосредоточенно кивнул, положил другу руку на плечо и сказал:

– Спасибо, Федь. Я понимаю. Умру, но не пикну. А вечером думать будем. Хотя, сдаётся мне, кой-чего уже сейчас предположить можно... не, не спрашивай. Это всё *гипотезы*, – важно закончил он.

День тянулся томительно и натужно. У Фёдора всё валилось из рук. Схлопотал выговор от Иоганна Иоганновича, на физике, где Илью Андреевича заменял штабс-капитан Шубников, нарвался на замечание («Кадет Солонов, вне зависимости от чего бы то ни было, долг ваш – овладевать знаниями!») с записью, в общем – сплошные неприятности!

Петя Ниткин, выслушав друга, держался молодцом. Со стороны ничего и не заметишь, разве что чуть больше задумчив, чем обычно.

Уроки до самого конца дня шли своим чередом, потом пришли Ирина Ивановна с подполковником, повели седьмую роту на снежную полосу препятствий – раньше она служила излюбленным местом яростных перестрелок на снежках, в которых Фёдор принимал самое живое участие; сейчас же, пару раз получив комками в плечо и бок, он не завёлся, как обычно, не кинулся с удвоенной энергией отвечать сопернику – нет, угрюмо закончил дистанцию,

далеко не первым и даже не вторым, в середине, и мрачно, ни на кого не глядя, вернулся к ожидающим.

Ирина Ивановна зорко на него взглянула, подошла.

– С Ильёй Андреевичем всё будет в порядке, – сказала вполголоса, но с непреклонной убеждённости. – Мы все молимся за его здоровье... и врачи стараются. Я слышала, профессор Вельяминов и в самом деле решил использовать то средство доктора Тартаковского, сегодня за ним послали... Всё будет хорошо, Федя.

«Может, и будет, – мрачно думал кадет Солонов, тащась обратно в главное здание корпуса на ужин. – Может, и будет, да только убийцы эти – они вернутся. Упорные, упрямые, видать. И рискованные».

Но кто?! Кто они такие? Кому и чем мог помешать Илья Андреевич?

Конечно, если он, Фёдор, прав и на самом деле господин Положинцев пришёл из того же потока времени, где в 1972 году живут и здравствуют профессор Онуфриев, его внук Игорёк, девчонка по имени Юлька Маслакова и другие, – то не мог ли кто-то ещё догадаться об этом? Или... а что, если дружки того самого Никанорова, что привёл полицию на дачу профессора, – что, если дружки добрались и до его, Фёдора, времени? И хозяйничают тут?

Мысль, которой надлежало немедленно поделиться с Петей. Однако Ниткин, выслушав взахлёб выданную ему теорию, только пожал плечами.

– Что ж тут удивительного? Я сам про это только и думаю. Никаноров тот – такие не шутят.

– А что же нам делать?

Ниткин помолчал, потом вздохнул:

– Ничего не поделаешь, придётся Илье Андреевичу всё рассказать, как только можно будет. Сказать, что мы у него были, там. И что на него охотятся – те, из его времени.

– А ты уже так уверен? А что, если это неправда?

– Да кто ж ещё мог такую машину прямо в корпусе построить? Федь, ну ты что, в самом деле?

– Да я ничего, – уныло ответил тот. И в самом деле, чего он? Сам ведь уже почти убедил себя, что не может быть Илья Андреевич человеком их времени, что явился он в него *извне* – а теперь чего-то вдруг заколебался. – Но всё-таки, Петь, нужно доказательство, настоящее, железное...

– Мы ему скажем, – убеждённо заявил Ниткин. – Это и будет доказательство, настоящее, железное, какое хочешь.

– Ага, а он скажет – ничего не знаю, ничего не ведаю, о чём вы, кадеты, надо вам в душ этого, как его, Шор... Шур...

– Шарко. Состоит в обливании подверженного истерии пациента...

– Да хватит тебе, всезнайка! Зине это рассказывай! – Федя даже обиделся, и Петя, покраснев, сразу же принялся извиняться и каяться.

– В общем, а если откажется?

– Не откажется, – подумав, сказал Петя. – Мы ж *там* были. Он же поговорить наверняка захочет.

Федю это, надо признаться, ничуть не убедило, но аргументы кончились и у него.

Лёвка Бобровский кидал на них взгляды, в коих, по витиеватому выражению Пети, «подозрительность только что по щекам не стекала», но ничего не говорил.

Илья Андреевич Положинцев остался лежать в лазарете, своим чередом шли уроки и катились дни, а Фёдор, раз уж поговорить с учителем физики всё равно было невозможно, решил «взяться», как порой выражалась мама, за сестру Веру.

После их городского приключения старшая из детей Солоновых изрядно напугала и маму, и нянюшку, погрузившись в беспричинную меланхолию. Меланхолия эта весьма трево-

жила Анну Степановну, но традиционным средствам – походу по модным лавкам – отчего-то не поддавалась.

В ближайший же отпуск Фёдор загнал сестру в угол – пока мама с няней и Надей хлопотали в столовой, накрывая на стол. За окнами стоял студёный февраль, близилось Сретенье, а сама Вера во всём чёрном, будто вдова, похудевшая и осунувшаяся, вяло отбивалась от Фединых наскоков.

– Да не вижу я их никого!.. Да, совсем-совсем никого! Ни там ни там!

– Вот что, – вполголоса сказал сестре Фёдор, – я тут подумал, подумал... надо этим твоим эсдекам побег постараться устроить. Ну чтобы у них сомнений на твой счёт бы не возникло.

– Ух ты! – искренне изумилась Вера. – Побег!.. Это как же?

– Ну, как... – Если brave кадет и смутился, то лишь самую малость; Ник Картер с Натом Пинкертоном выручили и тут. – Отбить при перевозке! Или с фальшивым ордером в Дом предварительного заключения явиться!

– Умён ты, братец, не по годам, – фыркнула сестра. – Придумаешь же такое! Отбить!.. Кто отбивать-то станет? Или где мы тебе этот «фальшивый ордер» добудем?

– Где бы ни добыли, – упрямо сказал Федя, – а только, если достану – пойдёшь их освобождать? Ну чтобы они бы в тебе не сомневались?

– Так побег, значит, не должен удался?

– А ты как думаешь?

– Ну конечно, не должен! – выпалила Вера. – Они ж бунтовщики!.. Куда хуже тех же бомбистов!.. Бомбисты в худшем случае один эшелон семёновский подорвут – а эти всю Россию под откос пустят!..

Это были верные слова. Иных Вера бы сейчас сказать и не могла.

– А отчего же ты *своим* в Охранное отделение знать не дашь? – самым невинным тоном закинул наживку Фёдор. – Глядишь, они бы тебе и с ордером помогли! А потом оставшихся на свободе смутьянов бы переловили!..

– Д-да, – голос у сестры дрогнул. – П-переловили бы...

– Ну вот! Их всех – в Сибирь, и никто тебя не тронет. Ты-то чиста!.. Рисквала ради них всем!..

– Да погоди, погоди, – кое-как отговаривалась Вера, – экий ты быстрый! Всё уже решил и всех по сибирям распихал...

– Я б их вообще... – мрачно сказал Федя. – Чтоб никто из них мою б сестру не пугал! Вера слабо улыбнулась.

– Что б я без тебя делала, защитник...

И – словно закончила разговор.

А Фёдор Солонов пошёл думать. И спросить себя – а что бы сказал Илья Андреевич?

Да, вот что бы сказал?.. Сказал бы, что Вера просто притворяется и никого в Охранном она знать не знает, а просто пытается усыпить его, Фёдора, подозрения. Играть сестра и впрямь может, а он, её брат... он бы и сам рад обмануться. Так хочется, чтобы Вера и впрямь не имела бы никакого отношения к смутьянам, а служила бы, как подобает Солоновым, России и Государю, верная присяге...

Ох, сомнения, сомнения, скребут на душе кошки, и даже котёнок Черномор, уж на что неразумный, а и то чует что-то, беспокоится, ходит кругом да около, мяучит... что-то будет? Вывезет ли кривая?..

Миновала Родительская суббота, настало Сретенье. Январь уступил место февралю, Илья Андреевич Положинцев поправлялся медленно и трудно. Сперва боялись его тронуть и лежал он в корпусной больничке, но затем с величайшими предосторожностями раненого перевезли в Военно-медицинскую академию. Физику стал преподавать штабс-капитан Шуб-

ников, но его кадеты не любили. Был он молод, нервен, цеплялся в классе ко всякой мелочи и однажды даже ухитрился поставить Пете Ниткину «шесть» вместо неизменных «двенадцати» – «за слабую дисциплину и пререкания со старшим по званию».

Петя после этого шёл, глядя на свой «Дневник успѣваемости» глазами, полными слёз. Чтобы он ненароком не свалился с лестницы, Фёдору пришлось даже поддерживать друга под руку. Севка Воротников не преминул погыгыкать, однако Лёвка Бобровский на него прикрикнул – и Севка тотчас же прекратил.

Стрелявших в Илью Андреевича так и не нашли. Жандармские офицеры приезжали, крутились вокруг Приората, да так ни с чем и убрались восвояси, лишь изронив глубокомысленно, что, дескать, скорее всего, дело рук террористов БОСРа, однако от заявлений этих, понятно, никому не было ни жарко ни холодно.

Корпус, однако, продолжал готовиться – наставлял государев смотр. В Гатчино пришла тишина, но армейские и казачьи патрули так никуда и не исчезли.

Лиза Корабельникова исправно слала Фёдору письма в розоватых конвертиках, а Зина Рябчикова – Пете Ниткину в лимонных.

После Сретенья настала пора Сырной седмицы, Масленицы, и именно на ней, почти перед самым смотром, Фёдору Солонову пришло ещё одно письмо, с клеймом Военно-медицинской академии.

Илья Андреевич Положинцев писал неразборчиво и нетвёрдо, но, верно, не хотел никому диктовать.

«Дорогой Оѣдоръ, обстоятельства поистинѣ чрезвычайныя вынуждаютъ меня обратиться къ Вамъ. Я уже имѣлъ случай убѣдиться въ Вашей смекалкѣ, храбрости и умѣніи держать слово.

Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ Вашъ покорный слуга пытался разобраться въ загадочныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ подвалахъ корпуса, равно какъ и въ иныхъ подземныхъ ходахъ Гатчины. Имѣю всѣ основанія подозрѣвать, что эти ходы используются инсургентами, злоумышляющими противъ мира и спокойствія, а также противъ самой особы Государя Императора. Не имѣя строгихъ доказательствъ, а также принимая во вниманіе, какую тѣнь даже слухи объ этомъ могутъ бросить на славное имя Александровскаго кадетскаго корпуса, я не рискнулъ обращаться съ этимъ въ Охранное отдѣленіе. Но послѣдніе событія, увы, вынуждаютъ меня къ рѣшительному дѣйствію.

Какъ ни стремительно было совершенное на меня нападеніе, я сумѣлъ разглядѣть одного изъ нападавшихъ. Это былъ подростокъ, развитый для своихъ лѣтъ; одѣтъ въ полушубокъ и красный шарфъ. Курчавый, горбоносый. На переднемъ зубѣ золотая коронка. Сейчасъ, лежа въ постели и имѣя массу свободнаго времени, я, послѣ нѣкоторыхъ усилій, смогъ припомнить, что примѣрно подобнымъ образомъ Вы, Оѣдоръ, описывали своего недруга Юсифа Бешанова. Если это и въ самомъ дѣлѣ онъ, то, скорѣе всего, мы имѣемъ дѣло съ акціей соціалъ-демократовъ, тѣхъ самыхъ эсъ-дековъ, съ коими имѣла несчастіе связаться Ваша сестра.

А это говорить о несомнѣнной связи производящихъ разысканія въ нашихъ подземельяхъ и подвалахъ лицъ съ этимъ крайне опаснымъ крыломъ инсурентовъ.

Разумѣется, о своихъ подозрѣніяхъ въ отношеніи Бешанова я повѣдалъ полицію; однако, учитывая его крайнюю ловкость и удачливость, а также неуклюжесть нашихъ бѣдолагъ-жандармовъ, увѣренъ, что отъ поимки онъ ускользнетъ. Это дѣлаетъ крайне необходимымъ использованіе Вашей сестры для того, чтобы взять съ поличнымъ всю эту шайку. Попытайтесь еще разъ

поговорить съ Вѣрой. Отвѣтъ пошлите мнѣ не почтой, но черезъ надёжныя руки: наприимѣръ, посредствомъ Вашего друга Петра Ниткина, чья семья имѣетъ жительство въ столицѣ и часто привозить его туда...»

Над письмомъ Ильи Андреевича Фёдор просиделъ весь вечер. Вернее, просидели они с Ниткиным. Петя, со свойственной ему рассудительностью, тут же заявилъ, что поездку в Петербургъ онъ организуетъ, ибо и мама, и тѣтя Арабелла, и даже Петин дядя-опекун, генерал-лейтенантъ Сергей Владимирович Ковалевскій, – все считали, что кадета Солонова настоятельно требуется пригласить в гости. А уж там они сообразятъ, какъ передать письмо Ильѣ Андреевичу.

– Выходит, и онъ считал, что инсургенты у нас там шалют...

– Какъ и Бобровский, – буркнулъ Фёдор. Признавать правоту Лёвки не шибко приятно, но что поделать.

– Но про машину молчок.

– Ясное дело, Петя, что молчок! Я б тоже на его месте молчал.

– Конечно, онъ её там ладил-ладил, а потом...

– Да может, ещё и не он!

– А кто же?

– Профессоръ намъ про Илью Андреевича ничего не говорил! Только и сказал, что, мол, с трудомъ нашли место!

– А какъ бы они её туда засунули? – возразилъ здравомыслящій Петя. – Ясно, что кто-то из корпуса только это и могъ сделать! Нет, Федь, ты какъ хочешь, а Ильѣ Андреевич – онъ *оттуда*.

Спорить Фёдору не хотелось. Может, оно и так, может, и нет – что это меняетъ в главном? В главном – что инсургенты-эсдеки, встревоженные, насколько понялъ Федя, разысканіями Ильи Андреевича в подземельях, решили его застрелить? Хотя...

– Погоди, что-то не складывается, Петя.

– Да чего ж не складывается-то?

– Ты послушай! – Федя даже слегка хлопнул друга подушкой, и у бравыхъ кадетъ едва не завязалась благородная подушечная дуэль, но оба они вовремя вспомнили про письмо. – Послушай! Если эсдеки всё знали про эти ходы, да так, что решили – Ильѣ Андреевич для нихъ угроза, то почему ж они ихъ раньше не использовали? Прошли бы тихонечко к самому дворцу, постреляли б государев конвой... Особенно когда тот штурм-то был? Под шумокъ бы всё и сделали!

Петя ответил не сразу, задумался, видать, Федины доводы оказались убедительны.

– Думаю, не всё у нихъ готово было, – изрёкъ онъ наконец. – Ещё думаю – к самому дворцу, наверное, не подойти. Мы ж так ту потерну и не прошли до конца. Может, там тупикъ или ещё что.

– А может, – вдруг осенило Фёдора, – они какъ раз тот приоратскій ход тоже нашли, и он-то какъ раз куда надо и ведёт? Может, потому они в Ильѣ Андреевича и стреляли?

– О! – Петя поднялъ палец. Помолчал, подумал и снова изрёкъ: – О!

Одобрив сей достойной царя спартиатов тирадой догадку друга, Петя с энтузиазмомъ принялся развивать теорию дальше.

И выходило, что таки да, инсургенты, скорее всего, потерпевъ неудачу в зимнихъ выступлениях, решили действовать хитрее. Ведь удалось же им взорвать эшелон Семёновскаго полка? Так отчего бы не повторить, только поднять на воздухъ теперь уже весь императорскій дворецъ с августейшимъ семейством!

И значит, они выследили Илью Андреевича, а дальнейшее было уже «деломъ техники», какъ выразился Петя. Зима, вечер, темно, выскочить, выстрелить – и бежать. План, увы, удался. И это значило, что инсургенты очень близки к исполнению своей миссии.

– Это почему?

– Потому, что без Ильи Андреевича они нужного хода найти не могли. А теперь нашли, значит. И стал он им не нужен.

Фёдор задумался.

– А зачем вообще в него стрелять?

– Как зачем? Злодеи ведь...

– Злодеи, верно. Но что бы им сделал один преподаватель физики, что навёл их на требуемый ход? Вот они в Илью Андреевича выстрелили, и все теперь на ногах – и полиция, и жандармы, и мы. Что ж они, совсем глупые? Если хотели государев дворец подвзорвать – чем бы Положинцев им помешал?

– Ну, как сказать, – задумался Петя. – Они ж не знают, что Илье Андреевичу известно. Потащат они взрывчатку этими ходами да на него и наткнутся. А ну как он не один случится? Вот и решили – мол, проще убить будет. Слышал же, жандармы всё равно на БОСР списывают? На эсеров? И верно – скольких они уже убили, и чиновников, и полицейских, и офицеров...

Приходилось признать, что Петя тоже прав.

– Так что надо Веру просить.

– Просить?! – вдруг возмутился тихий и кроткий обычно Петя. – Требовать! Человека мало что не убили, а ты – «просить»?! Довольно, хватит, напросились!

И вновь приходилось признавать правоту друга.

В ближайший же отпуск, в субботу, Федя явился домой преисполненный решимости, аки Перикл перед Ареопагом.

Вера была дома. Она вообще почти никуда не ходила последнее время. Гимназистки-тальминки старшего, выпускного класса, конечно, уже начали готовиться к последним экзаменам, но при этом не забывали веселиться: вечеринки с танцами, любительские спектакли и концерты, каток и прочее следовали одни за другими.

Неизменными и верными рыцарями прекрасных юных тальминок постоянно являлись кадеты старшей, первой роты Александровского корпуса. Они уже все давным-давно перезнакомились – корпусные и гимназические балы, коньки, частные праздники: собирались на именины, на Святки, на Масленицу; тётушки, помнившие времена блаженной памяти государя Александра Освободителя, качали головами на нынешние свободные нравы, но и только.

Надя, средняя сестра Фёдора хоть и не обрела ещё все права и привилегии выпускного класса, но тоже время даром не теряла: после всех зимних потрясений так хорошо было вернуться к обычным забавам!..

А вот Вера – нет.

Сиднем сидела дома, обложившись толстенными томами. Папа только кричал, глядя на счета, присылаемые милейшим Юлием Борисовичем Ремке, что держал книжную лавку «Ремке и сыновья».

И это были не какие-нибудь там французские романы или модные журналы. Солидные труды по медицине, истории и политэкономии, дозволенные цензурой. Что сестра с ними делала, Фёдор не знал, да и знать не хотел до поры до времени.

И сейчас, едва взглянув на сведённые вместе брови кадета, его старшая сестра вздохнула, откладывая книгу.

– Ну, чего тебе?

– Много чего. – Федя закрыл дверь в комнату сестёр. – Эсдеки твои нужны, вот чего.

Вера, против его ожиданий, не стала ни фыркать, ни отнекиваться, ни даже раздражаться, как в прошлые разы.

– Ты опять про эту выдумку с побегом?

– Нет. – Федя покраснел, но смутить себя не дал. Сейчас это уже казалось и впрямь не столь гениальной мыслью. – Побег побегими, но есть дело поважнее.

Что-то всё-таки, видать, изменилось в нём самом.

– Рассказывай.

– В Илью Андреевича Положинцева стрелял Йоська Бешанов, – выпалил Фёдор самое главное. – А Бешанов – это твои эсдеки.

И не услышал даже ожидаемого им и возмущённого «Да какие они мои?!».

– Ты уверен? Разве твой Илья Андреевич знает, кто такой Йоська Бешеный? Видел его где-то?

– Не видел. Но описал очень подробно. Даже удивительно, что успел разглядеть.

– Видимо, они хотели наверняка... вот и потеряли осторожность, подошли слишком близко... и фонарь, наверное, там был...

– Наверное. Конечно, может, Илья Андреевич и ошибся...

– Да не ошибся он, – с досадой сказала сестра. – Йоська – он... он на всё способен. Ярость и обида в нём небывалые. Почему одним всё, а таким, как он, – ничего?

– Учился – и было б ему всё, – буркнул Федя.

– Дорогой мой! – восхитилась сестра. – Тебе сколько лет? Заговорил, ну словно нянюшка или наша тёте. Сам-то этому правилу следуешь?

– Ну следуя... как могу...

– Ладно, не дуйся, – махнула рукой Вера. – Я только говорю, что Йоська – он и впрямь может. Стрелял уже, и без малейших колебаний, не зря его на стражу ставили... Так чего ж ты хочешь? Что я должна сделать?

Федя как мог подробно, а с другой стороны, кратко изложил их с Ниткиным теорию.

– Прoberутся и подвзорвут, как семёновцев! – закончил он.

Вера молча кивнула.

– Что, ты согласна? – несколько опешил бравый кадет. – Не будешь говорить, что всё чепуха и ерунда?

– Не буду, – сказала сестра. – Потому что от *них* всего можно ждать. Только всё равно неясно, чем мы можем помочь?

– Нужно, чтобы Охранное отделение проверило бы все подземелья. Чтобы следили.

– Ну, а я что?

– А вот ты теперь уже должна их там предупредить! И без отговорок!..

– А если я не могу? – спросила Вера с бледной улыбкой.

– Как это «не можешь»? – не понял кадет.

– Не могу, Феденька, – Вера опустила голову, затеребила край домашней шали. – Соврала я тебе. Никакой я не агент. Была с эсдеками, с большевиками, как они себя зовут... потому что уж больно несправедливости вокруг много.

Фёдор стоял, бессильно сжимая и разжимая кулаки. Соврала. Соврала! Соврала!.. Так он и думал!..

– Соврала я. Грешна... – Щёки Веры тоже заливал жаркий румянец. – Прости, Феденька... прости меня, коль сможешь... Господа что ни день молю, чтобы простил...

– Так ты... ты с ними, что ли? С эсдеками? С бомбистами?! – шёпотом закричал Федя, едва обрёл дар речи. – Я... я тебе верил! Верил!..

Вера резко закрыла лицо ладонями, плечи вздрогнули. Словно почуяв, что дело неладно, котёнок Черномор вспрыгнул хозяйке на колени, потёрся мордочкой, запырчал, но не от удовольствия, а словно с тревогой.

– Ну да... я обманула... ничего лучше не придумала... стыдно было...

И Фёдор Солонов уже хотел закричать что-то об измене и прочем, но вдруг словно наяву услышал рассудительный голос Пети Ниткина: «Слезам горю не поможешь. И ругаться тоже смысла нет. Она же плачет, смотри!.. Она раскаялась. А дело так и не сделано!.. Чего ж теперь браниться?..»

И так ясно это слышалось Фёдору, что он невольно даже обернулся.

Но нет, друга Ниткина тут не было, и не только здесь, но и вообще в Гатчино – уехал на побывку к матери в Петербург.

– Хорошо, – услышал Федя собственный голос, куда более рассудительный, чем, казалось, должно бы. – Бог простит, и я прощаю. Только не ври больше, договорились?

– Договорились, – всхлипнула сестра. – Ты не думай, я всё равно уже давно не с ними!.. В-валериан...

– Что «Валериан»?

Федя грешным делом подумал, что Вера сейчас начнёт изворачиваться и оправдываться, мол, это не я, это всё он, сбил с толку, заморочил и так далее – как порой делали в Елисаветинской военгимназии, когда, чтобы избежать совсем уж сурового наказания, навроде отчисления, можно было свалить на кого-то из «отчаянных», мол, это он придумал, а я так, всего лишь поддался. Подловато (и здесь, в Александровском корпусе, о таком даже не слышали), и прибегали к этому не шибко авторитетные воспитанники, но на самый крайний случай...

– Валериан был такой убеждённый... и я с ним соглашалась.

Но Фёдору было сейчас не до того.

– Значит, надо прямо писать! Прямо в Охранное отделение.

– Так ты ж сам мне только что говорил, что Илья Андреевич твой им всё рассказал!

Верно, подумал Федя. И ему то ли не поверили, то ли не приняли всерьёз.

– Нет, дорогой мой братец. Не поверили жандармы господину Положинцеву, и нам тем более не поверят. Самим надо!

– А ты... – осторожно переспросил Федя, – ты теперь точно не с ними? Не с эсдеками? Точно-точно?

– Точно-точно. – Вера поникла головой, качнулась сложным калачом свёрнутая коса. – Была, да. А теперь – нет. Вот когда ты меня спасать пришёл... – Она вытерла глаза, последний раз хлопнула носом. – Ты меня спасаешь, а они стреляют. Даже не думают.

– И что же? – не понял кадет.

– А то, братец мой милый, что вот тогда-то и задумалась я, что нельзя вот так вот – и в пальбу. Если они тут не задумываются, то что ж будет, если какая власть им достанется? Ох, разойдутся!..

Разойдутся, подумал Фёдор. Уж это-то я точно знаю.

– Душа моя братец, – Вера встала, придерживая угревшегося на коленях котёнка, – нам вдвоём придётся.

– Как это «вдвоём»? – не понял бравый кадет.

Вместо ответа Вера одной рукой расстегнула ридикюль.

Протянула Фёдору.

Внутри вместо неведомых девичьих принадлежностей матово блеснула воронёная сталь.

– «Кольт» тридцать второго калибра, – сухо сообщила сестра. – Сорок пять рублей в оружейном магазине Чижова, что на Литейном, 51. Что так смотришь? Я умею стрелять. Маме об этом знать не обязательно.

Федя, разинув рот, глядел на Веру.

– Что... что ты задумала?

– Раз и навсегда отбить у них охоту лазать по гатчинским подземельям, – усмехнулась сестра.

– Но... как?

– Как? Я к ним вернусь. И всё узнаю.

– Вер... они же... они тебя...

Но сестра только отмахнулась.

– Валериан сделает всё, что я скажу. – Она не выдержала, покраснела. – И приведёт на сходку. И я всё узнаю. Клянусь тебе!..

Фёдор Солонов сглотнул, ладони у него покрылись потом.

– А... потом?

– Увидишь, – хладнокровно сказала сестра. Аккуратно пересадила котёнка на подлокотник кресла, достала «кольт» из ридикиюля, передёрнула затвор. Прицелилась куда-то в угол.

Сухо щёлкнуло.

– Я не хуже тебя умею по подземельям лазать.

...И на этом стояла, хоть плачь.

– Ну хорошо, – сдался наконец Фёдор. – Значит, пойдёшь с этим... Валерианом... – Ему очень хотелось сказать – «хлыщом», но сейчас всё-таки не стоило, – на сходку. Всё узнаешь про Бешанова. Так?

Вера кивнула.

– Может, в твоего Положинцева стрелял и не он.

– Это ещё почему? Илья Андреевич его узнал...

– Илья Андреевич тяжело ранен, еле выжил. Что ему там в точности привиделось – он и сам уже точно не скажет.

– Да с чего ты взяла-то?

Вера поджала губы, вздохнула, глядя в угол.

– Потому что Бешанов, скорее всего, не преминул бы добить раненого. Как это у них называется, «контрольный выстрел» – я сама от Благоева слышала. Пальнул бы в голову, и всё. Йоська хвалился, что на «эксах» так полицейских приканчивал.

– Ну... – слегка растерялся Фёдор, – может, оно и так... а может, и нет...

– Когда не знаешь, что сказать, говори по-французски, – припомнила сестра «Аню в Стране чудес». – А если не можешь по-французски, то лучше молчи. Ну, чего ещё тебе?

– Не хочешь больше говорить? – слегка обиделся бравый кадет.

– Всё уже обговорили, обо всём условились, – сухо отрезала сестра. – Сказала – сделаю. Всё!..

– А когда?

– Вот пристал!.. Поговорю с... с этим... Валерианом, – она слегка запнулась, – и дам тебе знать, не сомневайся.

По тому, как она это произнесла, сомневаться и впрямь не приходилось.

– И про Бешанова, и про всё остальное. Если они и впрямь господина Положинцева убить решили, чтобы ненароком он их не выдал, то, может, на самом деле готовы действовать.

– Но ты от них ничего про ходы не слышала ведь?

Вера покачала головой, вновь мотнулась толстая коса. С некоторых пор сестра перестала делать модные причёски, чем повергала в отчаяние и маму, и нянюшку.

– Нет, Федя, врать не стану, не слыхала. Но это ничего не значит. Ладно, ступай, а я протелефонирую этому... субъекту.

В корпусе наводили последний глянец перед государевым смотром. Драили, чистили, скоблили, мыли, натирали. После всего случившегося в разгар зимы словно пытались стереть даже самую память об этом. Хотя как её сотрёшь – в парадном вестибюле уже появилась доска чёрного мрамора с высеченными золотыми буквами: имена и чины погибших кадет с офицерами.

Седьмая рота оказалась брошена на самый тоскливый, по её мнению, участок – натирать мастикой чисто отмытые полы. Точнее, мастикой пол уже намазали, и теперь господа кадеты, пыхтя, шаркали ногами с надетыми на них щётками.

Кто-то – а именно, кадет Воротников – пытался кататься сразу на двух щётках, словно на коньках, но получалось плохо.

Многие из седьмой роты с надеждой взирали на Петю Ниткина: а вдруг что-то придумает? Но Петя, красный от усилий, старательно пыхтел вместе с остальными и не торопился ничего придумывать.

Фёдор вполголоса пересказывал разговор с сестрой; Петя глубокомысленно хмыкал.

– Тут главное, – изрёк он наконец, – что у них с подземельями. Бог с ним, с Йоськой этим, – Илья Андреевич, хвала святителям, выжил и поправляется. А вот подземелья... если они и впрямь замыслили в государев дворец проникнуть или вообще всё взорвать... Вот это нам знать надо!

– Легко сказать, – буркнул Федя, старательно шаркая щёткой под выразительным взглядом капитана Коссарта. – Вдруг они ей не поверят?

– Должны, – убеждённо заявил Ниткин. – Особенно если за неё этот Валериан попросит.

Фёдор только вздохнул. Как-то всё тревожнее становилось на душе, и он сам не знал отчего. Петька, конечно, прав: поймают Бешанова, нет ли – не столь важно. А вот государь – совсем другое дело.

Но пока оставалось только шаркать половой щёткой.

Через два дня почта принесла наряду с розовым конвертиком Лизы Корабельниковой обычный белый, украшенный каллиграфически-чётким почерком m-lle Веры Солоновой. Разумеется, писала сестра намёками и околичностями, но давала понять, что в ближайшее время отправится на сходку эсдеков. *«Возобновление знакомства»*, как она выразилась, с *«monsieur Korabelnikoff»* прошло *«очень хорошо, и онъ согласился ввести меня въ интересное общество»*.

Теперь оставалось только ждать.

Вообще Фёдору надлежало выкинуть из головы все посторонние мысли и сосредоточиться на подготовке к высочайшему смотру; Две Мишени прямо-таки изводил бравого кадета стрелковыми упражнениями. И, поскольку мысли Фёдора, увы, витали в областях весьма далёких от корпусного тира, выговоров ему пришлось послушаться с преизлихом.

Прошла Масленица, настал Великий пост, а вместе с ним и смотр.

Фёдор Солонов так ждал теперь белых конвертов старшей сестры, что всё торжественное действо – въезд государева конвоя, молебен, парадный марш на плацу, кадетские достижения в гимнастике, рукопашном бою и прочем – прошли почти что незамеченными.

Он смотрел на государя – и не видел. Потому что перед глазами стояли подземелья корпуса, таинственные ходы, уводившие в темноту, ходы, которыми они с Петей так и не прошли.

...Смотр проходил хорошо, государь хвалил отличившихся кадет; и Фёдор даже сам не заметил, как подошла «его», стрелковая часть, без затей устроенная прямо в актовом зале, где вдоль одной из стен были выставлены щиты из толстых досок.

И никому не пришло в голову спрятать государя, закрыть его, мелькнуло у Фёдора. А что, если злоумышленник пробрался бы сюда с револьвером?

Если бы он не побывал в совсем ином времени, в совсем ином мире, где случилось невозможное и немыслимое, – идеи эти не возникли бы в его голове. Чего стоило бы какому-то инсургенту проникнуть сюда, затесаться в нарядную толпу, смешаться с ней? Офицеры все носят оружие. Гражданские преподаватели тоже, даже Ирина Ивановна Шульд.

Другой мальчишка запомнил бы каждую деталь – вплоть до золотого шитья мундиров и блеска орденов, другой кадет не сводил бы глаз с государя; а Фёдор ничего не мог с собой поделать: шарил и шарил взглядом по пёстрой толпе, каждый миг ожидая подозрительно-резкого движения.

А меж тем их младший возраст открывал стрелковую часть смотра.

Всего их участвует шестеро, и только один он, Солонов Фёдор, – из седьмой роты. Пятеро других – из «вражеской» шестой. Хотя, конечно, какая ж она вражеская? Такие же кадеты.

Правда, вредные, и начальник роты у них такой... тоже вредный. При всяком удобном случае цеплялся к ним, кадетам седьмой, так что Двум Мишеням частенько приходилось вступать в споры, их защищая.

Стрельбой командовал сам начальник корпуса, генерал Дмитрий Павлович Немировский. Голос его раздавался словно откуда-то из поднебесья, и кадет Солонов исполнял отданные приказания, совершенно не думая, машинально.

...Они все встали в ряд перед длинным столом, покрытым зелёным сукном. Сукно скрывало самые обычные доски, но сейчас оно, наброшенное сверху, плотное, с тяжёлыми золотыми кистями и бахромой по краям, делало всё очень нарядным, достойным лепного декора и до блеска начищенных бронзовых украшений актового зала.

Винтовки лежали на боку, смазанные, вкусно пахнущие ружейным маслом и совсем немного порохом. Настоящие винтовки, то есть настоящие карабины, куда короче обычных пехотных.

И мишени. Особые. Не листы расчерченной бумаги, но чёрные кружки с пол-ладони из настоящей брони на высоких и тонких, словно карандаш, подставках. Их будут отодвигать всё дальше и дальше, и промахнувшийся один раз выбывает.

Пока не останется только один.

Фёдор вместе с остальными кадетами изготовился. Пять патронов зарядил из обоймы; стрелять надлежало из положения «стоя», безо всяких скидок на вес оружия. Карабин тяжёл – долго выцеливать нельзя, мушка всё равно уйдёт, ты промахнёшься.

– Господа кадеты!.. Пальбу открывать после команды «пли!», как только будете готовы!..

Кадеты шестой роты лихо вскинули карабины. Нет, не все – тот самый Стёпка Васильчиков, первый силач шестой роты, с которым вышла памятная замятня при расчистке катка. Глянь-ка, умен, не торопится, карабин в положении «на плечо» – остальные-то уже приложились!..

Государь встал, выпрямился. Глядел на кадет и улыбался в пышную седую бороду.

– С Богом, господа кадеты! – И махнул белым платком.

– Пли! – скомандовал генерал, и четыре выстрела грянули почти сразу же.

Кадеты шестой роты слишком торопились. Но – три попадания есть. И один промах. Сконфуженный, мигом покрасневший до ушей кадет чуть не выронил оружие, втягивая голову в плечи под более чем выразительным взглядом своего начальника роты, подполковника Ямпольского.

Следующим выстрелил Васильчиков, попал. Гордо взглянул на Фёдора – а тот, никуда не торопясь, спокойным плавным движением вскинул оружие, нажал на спуск, почти не целясь, стоило мушке коснуться чёрного кружка мишени.

Мишень упала. Седьмая рота дружно подпрыгнула – молча. Пока что молча.

Ирина Ивановна Шульц и Две Мишени стояли рядом, в одной шеренге с остальной ротой и улыбались; Фёдор знал, что они улыбаются, даже и не оборачиваясь.

Но пока что это было просто. Мишени достаточно близко; в тире их ставили куда дальше.

И сейчас генерал Немировский громко скомандовал: «К но-ге!», дождался слитного стука прикладов, после чего дядьки поспешили переставить козлы с целями.

– Господа кадеты!.. Пли!

И вновь три быстрых выстрела. И вновь один промах. И вновь Васильчиков помедлил, спокойно поразив цель.

Краем глаза Фёдор видел, как Стёпка обернулся к нему, губы растягивались в ухмылке; но смотреть кадету Солонову было некогда, мишень стояла дальше, поймать её плавным движением стало труднее, однако он не промахнулся.

Со стороны седьмой роты вырвалось что-то вроде «йе-э!» – правда, мгновенно стихшее под строгими взглядами Ирины Ивановны и подполковника Аристова.

На третьем рубеже промахнулись все, кроме Фёдора и Стёпки. Хотя попасть было и трудно, глаза не вовремя заслезились.

Мишени отодвинули к самой дальней стене.

А в зале повисла тишина.

– Хвалю, господа кадеты! – раздался голос Немировского. – Последний выстрел! К рубежу, господа! Заряжай!..

Тишина уже звенела, делалась нестерпимой.

– Пли!

Стёпка глядел на Фёдора, а Фёдор – на Стёпку. И никто не торопился.

Севший до этого Государь вновь начал привставать, а за ним – и вся свита. Подались невольно вперёд и шеренги кадет, и даже их командиры ничего не замечали.

Последний выстрел!..

Перед государем на столе что-то поблескивало, но Фёдор не обращал на это внимания. Надо было попасть. Но... что, если попадет и Стёпка?

Стёпка уже не улыбался. Аккуратно, как хороший стрелок, поднял карабин, прицелился – долго, слишком долго, мушка гулять начнёт! – но тут грянул выстрел и сразу же – стук от падения стального кругляша.

Кругом раздались аплодисменты, кто-то даже крикнул «браво!». Шестая рота вопила «ура!»; подполковник Ямпольский подкручивал усы, снисходительно глядя на побелевшую Ирину Ивановну и спокойного – слишком спокойного! – Константина Сергеевича.

Что делать? Просто поразить мишень? Но тогда это будет ничья!

Давай, Фёдор. Ты можешь, Слон!

Он оглянулся; седьмая рота молча глазела на него, и Севка Воротников, Севка, с которым они первыми подрались и кто пустил Фёдору кровь, – этот Севка глядел на своего бывшего соперника так, словно от Слона зависело, останется Воротников в корпусе или поедет домой, в Богом забытый сибирский гарнизон.

И Ирина Ивановна смотрела на Фёдора совершенно по-особому. Давай, ты сможешь, говорил её взгляд. Удивить – победить, говорил Суворов.

Карабин скользнул Фёдору в руки мягким шёлком, текучим, словно вода.

Прицел – не тянуть, Фёдор! – ниже, чуть-чуть, ещё ниже – рискуешь, Слон! – но всё равно «удивить – победить»!

Кадет Солонов повёл ствол ещё ниже. Задержал дыхание, плавно выбирая свободный ход спускового крючка. Короткое движение – нажим – ударила в плечо отдача! – и зрители взорвались криками.

Кругляш мишени упал на сукно. Но упал с глухим стуком, без звонкого удара пули в неподатливый металл.

Теперь завопила «ура!» уже седьмая рота.

Государь стоял, хлопая в ладоши, широко улыбаясь. Вместе с ним аплодировали и свитские.

Стёпка Васильчиков топтался, растерянно моргая, и, кажется, вот-вот мог заплакать.

– Ничья, господа! – объявил было Немировский.

– Прошу прощения, Ваше Императорское Величество! – вдруг щёлкнул каблуками подполковник Ямпольский. – Прошу прощения, ваше высокопревосходительство, господин генерал! Но Степан Васильчиков, кадет моей роты, поразил мишень, а вот его соперник – нет! Пуля её не задела!.. Она упала сама, случайно! Возможно, её плохо водрузил на место ответственный за это нижний чин!..

Государь качал головой с притворным укором, но улыбка с его лица не сходила.

Генерал Немировский быстро взглянул на монарха, но тот лишь усмехнулся ещё шире:

– Пусть, пусть всё выяснят, Димитрий Петрович. Кадеты ваши, эти двое, оба отменно стреляли, каждый заслужил награды.

– Благодарю вас, Ваше Императорское Величество!

Подполковник Ямпольский быстрым шагом оказался у козел с мишенями, но его опередил не кто иной, как Ирина Ивановна Шульц. Следом за ней спешил и Константин Сергеевич Аристов, однако Ирина Ивановна уже держала что-то в руке.

– Ваше Императорское Величество!..

Государь, смеясь, вновь махнул рукой – подойди, мол.

И весь зал, замерев, глядел, как госпожа Шульц твёрдым, уверенным шагом, вбивая каблучки в начищенный паркет, приближалась к всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу.

– Ваше Императорское Величество! Эта палочка у меня в руке – опора мишени. Вот держатель. И что мы видим? Палочка перебита пулей. Кадет седьмой роты Солонов Фёдор не промахнулся. Он попал. Попал в...

– Случайность! – выпалил красный как рак Ямпольский, игнорируя грозно надвигавшегося на него и, в прямую противоположность, бледного аки снег Аристова. – Счастливая случайность!..

– Не спорьте, господа, и не ссорьтесь, – благодушно объявил император. – Спросим вот этого бравого кадета. Куда ты стрелял, кадет?

Император Всероссийский глядел прямо на Федю Солонова. И Фёдор чувствовал, как словно бы душа его отделяется от тела.

– Ваше Императорское Величество... – услышал он собственный голос. – Дозвольте... повторить.

– Повторить? – широко улыбнулся государь. – Смел ты, кадет! И в себе уверен! Молодец, люблю таких. Что ж, дерзай! Дайте ему место, господа, пусть покажет, на что способен!

Ирина Ивановна, Константин Сергеевич и вся седьмая рота так и замерли. А дядька Фаддей Лукич сноровисто поставил мишень на место – там, у самой стены.

Федя поднял карабин. Спокойно передёрнул затвор. Последний, пятый патрон.

Удивительная, никогда не ощущавшаяся лёгкость разлилась по телу. Пальцы ласково прошли по металлу, по дереву цевья; приклад сам вложился, вжался в плечо.

Зал замер. Все стояли – и сам государь, и все, кто явился с ним.

Вот он, чёрный кругляш. И вот она, карандашно-тонкая палочка под ним. Что это? Дрожат руки? Нет, так нельзя, Фёдор, так нельзя!

Ствол послушно качнулся вниз; слишком низко!

Пошёл наверх – а вот это уже совсем плохо!

Выдохни! Спокойно! Поймай...

Глаза сильно слезятся, да что ж это такое!

Однако он всё равно поймал мушкой основание чёрного кругляша мишени.

И нажал спуск.

Нажал, больше всего опасаясь услышать звонкий удар пули в броню.

Но – нет.

Мишень глухо стукнулась о сукно.

Зал затаил дыхание.

Подполковник Аристов с Ириной Ивановной первыми оказались возле сбитого кругляша.

– Опора перебита пулей!..

Голос госпожи Шульц звенел торжеством.

И вот тогда зал взорвался по-настоящему.

Уснула седьмая рота в тот день очень и очень не скоро.

Не уходили из ротной рекреации, раз за разом заставляя Фёдора повторять всё снова и снова; слушали все, даже капитаны Коссарт с Ромашкевичем, даже Две Мишени; а внимательнее всех, казалось, слушала Ирина Ивановна Шульц.

И Федя рассказывал. На груди у него сиял золотой значок «За отличную стрельбу», самым государем вручённый, и другой мальчишка раздулся б от гордости, что твоя жаба; а Феде всё казалось, что случилось это совершенно не с ним и никакого значения вообще не имеет. Ему б летать сейчас, аки ангелу Господню, а он и отвечает невпопад, и думает совершенно об ином.

Что тайна подземелий под корпусом так и осталась неразгаданной.

Что тайна временных потоков тоже умрёт с ними, ибо кто поверит в подобное?

Что эсдеки и впрямь могут преуспеть в своих замыслах.

Что сестра Вера, как оказалось, попросту врала ему, пусть и «из лучших побуждений», но врала; и что, если она вообще не сможет ничего выяснить?

И потому справный и бравый кадет Солонов Фёдор, только что выигравший стрелковый смотр, да так, что и внукам хватит рассказывать, – совершенно об этом не думал.

И даже не мог вспомнить потом, чем всё это закончилось и когда он пошёл наконец спать.

Петербург,

30 октября 1914 года

По пустой Лиговской улице, тёмной и замершей, быстро шла, почти бежала, молодая женщина в длинном пальто и меховой шапочке. Последние дни октября выдались почти зимнему холодными.

Потрясённый до самого основания последними событиями город погрузился во тьму, фонари остались гореть только на Невском, Литейном да возле Таврического дворца. Здесь же, ближе к окраинам, об освещении никто и не думал; видать, сломалось где-то что-то, а *инженера* то ль разбежались, то ли попрятались, а может, и то и другое вместе.

Холодный и злой ветер дул женщине прямо в лицо, заставляя кутаться в бесформенный шарф, глубже прятать руки в округлую муфту.

Женщина спешила, очень спешила, и почти не смотрела по сторонам.

Ветер нёс на неё пыль и гарь, кружились обрывки газет, листовок и афиш – следы прежней мирной жизни. Комики Гольдштейн и Эпштейн, как обычно, зазывали в сад «Буфф». В Мариинском театре, правда, случились изменения репертуара: оперу «Жизнь за царя» сняли, заменив балетом «Лебединое озеро». «Бродячая собака», впрочем, не боялась никого и ничего, объявляя очередной вечер поэзии с Блоком, Ахматовой и Гумилевым...

Женщина лишь плотнее стягивала шарф.

На круглых афишных тумбах поверх всего прочего наляпаны были огромные плакаты Петросовета, отпечатанные аж в два цвета, похоронившие под собой остальное:

«Товарищи рабочіе! Товарищи солдаты! И ты, вѣсь трудовой народъ! Промедленіе поистинѣ смерти подобно. Долой Временное собраніе! Долой продажныхъ министровъ-капиталистовъ! Да здравствуетъ социалистическая революція! Вся власть Совѣтамъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ!»

И чуть ниже, мелким шрифтом:

«Центральный комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической рабочей партіи (большевиговъ)»

Женщина ещё ускорила шаг, теперь она почти бежала. За спиной – Обводный канал, впереди – Николаевский вокзал; хотя нет, со вчерашнего дня он уже Московский. Переиме-

новали, вместе со множеством иных мест, ибо старые названия «не отражали исторической правды». Проголосовали – и переименовали.

Обыватели только качали головами да поглубже забивались в щели.

А, и хлеб продавался третий день с огромными перебоями и очередями.

«Временное собрание депутатов Государственной Думы», и Петросовет, и «красная гвардия», собирающаяся по окраинам, и солдаты запасных полков, жадно слушающие большевицких⁴ агитаторов – обещающих, и не когда-то там, а вот прямо сейчас, сегодня, в крайнем случае завтра! – землю, волю и не только. «У бар да у попов всё отберём, всё трудовому народу отдадим!»

«А дома барские?!» – немедленно следовал вопрос из густо дымящей махоркою толпы.

«А дома барские все тоже ваши. Бар да господ всех прочь! Пусть на все четыре стороны проваливают! Довольно попили нашей кровушки! Так я говорю, братцы?!» – и дружный рёв: «Так! Так! Так!...»

Женщина всё это знала. Как раз с одного из таких митингов она и возвращалась.

Немецкие «добровольцы», помогавшие Временному собранию, занимали мосты через Неву и центр города, охраняя все ключевые учреждения; однако окраины оставались в руках Петросовета.

Каблучки женских ботишков стучали и стучали по камням, быстро, часто, решительно.

– А ну, стой!

Дорогу ей загородили четверо. Двое в долгополых солдатских шинелях, один в поношенном пальто и четвёртый в коротком полушубке, явно женском.

Тускло блеснул ствол «нагана».

– Пальтецо сымай, живо! Всё сымай!

Четверо мигом обступили женщину, пихнули к стене, отрезая дорогу к бегству.

– Скидавай! Скидавай одежду! Кольца, серьги, всё давай!

Бледные и тонкие губы женщины чуть заметно дрогнули. Руки её по-прежнему прятались в круглой муфточке; и сама она по-прежнему молчала.

Грабители потеряли терпение.

– Ах ты ж!.. – Рябой солдат (или, скорее, дезертир: с шинели срезаны и погоны, и нашивки, и даже петлицы) потянулся было схватить её за отворот пальто.

Тонкая рука вынырнула из муфты.

Сухо треснул выстрел. Выстрел небольшого дамского «браунинга» калибра 6,35 миллиметра.

И за ним сразу второй и третий.

Рябой дезертир с «наганом» рухнул первым, рядом с ним другой. Третий, в пальто, только и успел, что схватиться за пробитый лоб. Последний, в женском полушубке, бросился было наутёк, но поймал пулю бедром, взвыл, покатился, не переставая орать.

Лиговка равнодушно приняла его крики. Ни в одном окне не вспыхнул огонь.

Женщина аккуратно подобрала «наган». Подошла к раненому, наклонилась, подняла «браунинг», спокойно прицелилась прямо в голову грабителю.

– Прости... пощади... Христом-богом молю... Господи Боже, Царица Небесная... – затрясся раненый.

– А та, с которой ты полушубок снял, – её ты пожалел? – негромко и страшно сказала женщина. Дуло «браунинга» в её руках не дрожало, чёрный зрачок смотрел прямо в глаза грабителю.

– Милостивица... не на-а-адо...

---

⁴ Большевицкий – допустимый в русском правописании вариант образования слова «большевистский», имеющий, однако, более негативную эмоциональную окраску.

Позади них на пустой и мёртвой улице вдруг зафыркали моторы, брызнул яркий свет автомобильных фар. Скрип тормозов и резкое:

– Всем стоять! Что тут происходит?!

Женщина медленно обернулась, даже и не думая спрятать оружие. В левой руке она держала подобранный «наган».

С подножки автомотора прыгнул высокий и плечистый человек в кожанке, «маузер» наготове. Бегло взглянул на трупы, на скулящего раненого. За новоприбывшим в свете фар блестели штыки его отряда.

– Комиссар отряда охраны Петросовета Жадов, – чётко, по-военному, представился он. – Что случилось?

– Так разве не видно, гражданин комиссар? – раздался вдруг густой бас из-за спин. – Барышня одна возвращались, эти на неё и напали, поживиться хотели. Раздеть, как и остальных, гражданин комиссар, что мы сегодня видели.

– Да вот только барышня-то того, с зубами оказалась! – хохотнул другой голос.

Раненый стонал и дёргался. Трое других грабителей лежали неподвижно, застыв уже навсегда.

– У того, что жив, прострелено бедро, – холодно и невозмутимо сказала женщина. – Если его перевязать и остановить кровопотерю, он выживет.

Комиссар Жадов кивнул. Двое с красными крестами на белых нарукавных повязках присели рядом с незадачливым грабителем, завозились там.

– Эй ты, недострелённый!.. Так всё было, как тут говорят? Напали на гражданку с целью грабежа? А ты знаешь, что по декрету Петросовета я имею власть расстреливать таких, как ты, бандитов, на месте, без суда и следствия? – грозно объявил комиссар.

Женщина едва заметно улыбнулась.

– Так... так... – простонал «недострелённый». – Каюсь, гражданин ко... комиссар... бесы попутали... это всё Рябой...

– Оправдываться в дэпэзэ⁵ станешь, – отмахнулся Жадов. – Повезло тебе, в рубашке родился. Сейчас заберём тебя, в лазарете подлатают. И будешь суда трудового народа ждать, скорого, но справедливого.

Солдаты-красногвардейцы деловито грузили трупы в кузов одной из машин – видно, дело было уже привычное.

– Вам, гражданочка, с нами проехать придётся, – обратился к женщине комиссар. – Я так понимаю, вы их...

– Я их пристрелила в целях самообороны, – ледяным голосом уронила та. – Пусть меня лучше судят, чем несут.

– Логично, – усмехнулся комиссар. – А имя ваше, позвольте?..

– Шульц. Просто Шульц.

– Шульц, значит... род занятий, гражданка Шульц?

– Я учительница. Русская словесность.

– А вы... – комиссар сделал паузу, – боевая, выходит. Небось кто урока не выучил – сразу пулю в лоб? – попытался он пошутить.

– Ну, зачем же так сразу. Только тому, у кого в четверти выйдет «кол». – Женщина улыбнулась в ответ, одними губами.

– Проедемте с нами, – повторил Жадов. – Дело ясное, обстоятельства абсолютно ясны... но снять показания я обязан. Эта шайка наверняка замешана и в других разбойных нападениях, так что... простите, гражданка Шульц, а как вас по имени-отчеству?

---

⁵ ДПЗ – Дом предварительного заключения.

– Ирина Ивановна. А что, неужели я так плохо выгляжу, что ко мне надо обращаться словно к старухе?

– Нет, нет, что вы, нет! – смешался комиссар. – Положено так... простите... Значит, садитесь, садитесь, сюда, в кабину... Мы тут в бывшем участке, здесь недалеко...

Ирина Ивановна Шульц едва заметно улыбнулась и поставила ботик на подножку автомотора.

– Значит, Ирина Ивановна, вы – учительница?

– Да.

Жадов обмакнул перо, старательно вывел что-то на бланке. Бланк был уже новым, без императорского орла. Вернее, орёл-то имелся, но выглядел он больше как ощипанная курица. Ни корон, ни державы, ни скипетра...

Комиссар перехватил её взгляд.

– Да-да, эмблема уже новая. Это эти, временные, так их, простите, и разэта. Придумали... управились быстро... да только разве ж трудовому народу орлы всякие нужны? Нет, не нужны, Ирина Ивановна, никак не нужны...

Скверное перо скрипело, словно пыточный инструмент. В бывшем кабинете начальника полицейского участка был относительный порядок, от разгрома он уцелел. Только исчез со стены портрет государя, остался тёмный прямоугольник, словно призрак.

– Род занятий... у-чи-тель-ни-ца, – старательно выводил меж тем Жадов.

– Писаря б позвали, гражданин комиссар.

– Нет у нас писарей, всё сами. Незачем бойцов отвлекать... да и пишут они, между нами... курица лапой и то лучше справится. А старые кадры все попрятались, разбежались, боятся гнева народных масс, гады!

Ирина Ивановна слегка кивнула.

– Конечно. Они и должны бояться.

– Революция карает лишь тех, кто запятнал себя преступлениями против рабочего класса и беднейшего крестьянства! За кем не числится никаких злодеяний, могут ничего не бояться, – пылко и убеждённо бросил комиссар. – Значит, учительница... Место работы?

– Александровский кадетский корпус, – спокойно ответила госпожа Шульц.

Жадов поднял бровь. Перо так и замерло в его руке, не достигнув чернильницы.

– Вы? В кадетском корпусе?

– Да. Зачем мне вам лгать, тем более что мою ложь было бы очень легко разоблачить?

– О да! – Жадов тут же расправил плечи. – Разоблачить – это мы можем!

– Ну вот. Поэтому я и говорю как есть. – Она пожала плечами. – Я преподаю... то есть преподавала русскую словесность. Вы находите это странным, гражданин комиссар?

– Признаться, да. Как-то не встречал раньше женщин-учительниц в мужских классах. Как же вы там оказались?

– Мне нужна была работа, а в корпусе открылась срочная вакансия по тяжёлой болезни прежнего наставника. Другой только что вышел в отставку; быстро заполнить место не удалось, и моё прошение удовлетворили. Военное ведомство неплохо платило, а у меня на иждивении старики-родители и двое младших братьев.

– Понятно... это там вы так выучились стрелять?

– Да. В корпусе имелись толковые наставники.

– Толковые наставники? Поди, муж ваш?

Ирина Ивановна Шульц ответила ровным, спокойным и холодным голосом:

– Я не состою в браке, гражданин комиссар. Ни в церковном, ни в... как сейчас принято говорить, «гражданском».

– Поня-атно... – протянул её визави. И вновь заскрипел пером.

– Вы его, прошу прощения, неправильно держите, гражданин комиссар. Поверните чуть вправо, не будет такого скрипа.

– Спасибо... – комиссар явно несколько смутился. – А что же вы, с позволения сказать, делали на Лиговской улице в такое время?

– Возвращалась с митинга.

– С митинга? С какого? – заинтересовался Жадов.

– С митинга 34-го запасного пехотного полка, если вам так важно это знать, гражданин комиссар. В казармах сразу за Обводным каналом. Выступали товарищ Лев...

– Я знаю, кто там выступал, можно не перечислять, – надулся комиссар.

Ирина Ивановна лишь кивнула.

– После митинга я пешком – в силу отсутствия как трамваев, так и извозчиков – возвращалась на ночлег к своей подруге по пансиону. Адрес нужен?

– Н-нет, – неожиданно сказал комиссар. – Я так понимаю, ваше постоянное местожительство – в Гатчино?

– Было в Гатчино, казённая квартира при корпусе. А теперь на Шпалерной, ночью у подруги, но это сугубо временно, пока не найду новое место службы, пока не сниму хотя бы комнату...

– Но почему же вы не в корпусе? – прищурился Жадов. Пальцы его, с жёлтыми ногтями курильщика, нетерпеливо мяли коробку папирос.

«Пушкинскія». Достаточно дорогие, двадцать штук за пятнадцать копеек.

– Почему я не в корпусе? – усмехнулась Ирина Ивановна. – Вы разве не знаете, гражданин комиссар, что там творилось? Пришли германские «добровольцы». Я хоть и ношу немецкую фамилию, но на милость бывших соотечественников моих предков полагаться отнюдь не намерена. А папиросы, кстати, у вас хорошие, гражданин комиссар, первый сорт. Сейчас таких уже и не купишь, подвоза нет.

– Вы курите? – Жадов поспешно протянул Ирине Ивановне коробку. – Я тогда б тоже... эх, подымить охота, аж мочи нет, с утра не курил...

– Подымите, – кивнула госпожа Шульц. – Мы в полицейском участке, вы снимаете с меня показания – и спрашиваете у подозреваемой разрешения курить?

Комиссар вновь смутился.

– Мы не в участке, – нашёлся он наконец. – Были «участки», да сплыли. Теперь это отделение народной милиции. Товарищ Благоев верно говорит – полиции царской, сатрапов этих, у нас больше не будет. А народная милиция, она...

– Она плоть от плоти народной, – подхватила Ирина Ивановна. – Она не орган репрессий и угнетения, но предупреждения правонарушений и перевоспитания!

– О! О! – комиссара Жадова, кажется, слова эти поразили в самое сердце. – Как вы всё верно и замечательно сказали, Ирина Ивановна! Вы... разделяете наши идеи?

– Кто же из разумных людей их не разделяет, гражданин комиссар?

– Михаил. Михаил Жадов, – поспешно сказал тот, привставая и протягивая руку. Ирина Ивановна спокойно её пожала – по-народному, без перчатки. – Это же очень, очень хорошо, Ирина Ивановна! Вы поистине удивительная женщина, решительная и хладнокровная!.. Бандитов этих положили – просто загляденье, такие мерзавцы только нашу великую революцию позорят!.. И карающая длань её будет беспощадна! Перевоспитывать – это уже потом станем, а пока нужно, чтобы на улицах людей не раздевали!..

– Не все с вами согласятся, уважаемый Михаил... простите, а по отчеству?

– Не надо отчества, – решительно сказал комиссар. – Товарищ Михаил – этого достаточно.

– Хорошо, – улыбнулась госпожа Шульц. – Так вот, многие ведь кричат, я слышала, что всех богатых надо того... «грабь награбленное».

– Эксцессы, – убежденно сказал Михаил. – Неизбежные перегибы первых дней свободы. Эксплуататорские классы, безусловно, должны лишиться своих привилегий, у нас кто не работает, тот и есть не будет! Но раздевать людей на улицах... хоть буржуев, хоть кого... это неправильно...

– Совершенно верно, товарищ Михаил. Революция только тогда чего-то стоит, когда умеет защищаться и настаивать на своей воле. Кто не с нами, тот против нас, и третьего не дано.

Жадов только головой потряс. О необходимости заполнять протокол допроса он, похоже, напрочь забыл.

– Как я рад, Ирина Ивановна!.. Простите, вы сказали, что сейчас ищите место?..

– Да, товарищ Михаил. Ищу место учительницы. Но... не только. Жизнь, я вижу, меняется целиком и полностью, так что место придётся искать... в куда более широком смысле. Корпуса, где я преподавала, больше уже не будет...

– Точно! Да! Правильно! Больше не будет! – выпалил комиссар. И вдруг, без предисловий, бахнул прямо в упор: – Идите работать к нам, Ирина Ивановна. В наш особый отряд охраны Петросовета. Если вас жалование волнует – содержанием не обидим. С подвозом трудности, но у нас свои пути, паёк выдаётся каждый день...

– Помилуйте, товарищ Михаил, – вы меня зовете защищать революцию, а сами про какой-то паёк?

– Без пайка ноги протянуть можно, – с редким здравомыслием заявил товарищ Михаил. – А коль ноги протянешь – какая уж тут защита? Только свою яму на кладбище защитишь, да и то вряд ли. Товарищи из нашего ЦК пишут, что как настоящий социализм победит, так и денег никаких не нужно будет, всего станет вдоволь, бери – не хочу; но пока уж так. – Он улыбнулся. Зубы у него были неровные и тоже жёлтые от табака, как и ногти. – Пока что даже защитникам революции нужно что-то есть.

Ирина Ивановна подняла на комиссара взгляд ясный и спокойный.

– А что же, товарищ Михаил, и пойду. Это, видать, сама судьба мне путь указывает.

– Отлично! Отлично! – Жадов аж прихлопнул ладонями по зелёному сукну, натянутому на столешнице. – Сейчас же выпишем вам мандат, Ирина Ивановна. И... могу ли я звать вас «товарищ Ирина»?

– Разумеется... товарищ Михаил.

– Вот и договорились. – Комиссар принялся рыться в бумагах. – Что за чёрт, ничего у них не найдёшь, ни одной нужной бумаги...

– Это потому, товарищ Михаил, что у вас штаба нет, – заметила Ирина Ивановна. – Бумагами и организацией должен заниматься его начальник.

– А... э... мы, собственно, только совсем недавно созданы, – принялся чуть ли не оправдываться комиссар. – Ага! Нашёл. Сейчас выпишем. Вот только за фотокарточкой и печатью придётся в сам Петросовет ехать, но это уж завтра.

– А оружие, товарищ Михаил?

– Какое оружие, товарищ Ирина? У вас же есть?

– Мой «браунинг»? Так это ж игрушка.

– Ничего себе «игрушка»... – поёжился комиссар. – А что же вам тогда надобно?

– Ну, например, германский «люгер», – невозмутимо сказала Ирина Ивановна. – «Люгер» под патрон девять на девятнадцать миллиметров. Я бы предпочла что-нибудь потяжелее, американский «кольт М1911» сорок пятого калибра, но достать для него боеприпасы, боюсь, будет несколько затруднительно.

– «Кольт М1911»? Даже не слышал о таком. А вот «люгер» пожалуйста, «люгер» мы доставим. А вы, товарищ Ирина, сразу видно – специалист! – с уважением закончил Михаил. – В общем, считайте себя принятой на службу делу революции. Настоящей революции, социалистической. Недолго этим временным осталось сидивать.

– Недолго, – эхом откликнулась Ирина Ивановна.

– Мы, большевики, приведём народ к счастью! – стукнул кулаком комиссар. – А теперь... вы позволите подвезти вас до дома, товарищ Ирина?

– Буду вам очень признательна, товарищ Михаил, – улыбнулась Ирина Ивановна.

...Грузовик остановился на Шпалерной, возле дома № 34.

– Дом архива и служащих министерства императорского двора. – Комиссар явил неплохое знание петербургской топографии.

– Совершенно верно, моя подруга – дочь мелкого чиновника в бывшем министерстве. – Ирина Ивановна поставила ботик на булыжную мостовую. – Теперь вот приютила меня.

Кажется, товарищу Михаилу очень хотелось надеяться на продолжение, однако его новообретённая соратница лишь улыбнулась на прощание и по-мужски протянула руку:

– Тогда до завтра, товарищ Михаил?

– Так точно, – выпалил он, словно перед начальством, и замешкался, сам не зная с чего. – Товарищ Ирина... С вашего разрешения, я заеду за вами? Скажем, в девять утра? Постараюсь, чтобы всё уже было, и «люгер» для вас чтобы был тоже.

– Благодарю, – вновь улыбнулась она.

– Да, и вот, возьмите, – заторопился комиссар, протягивая ей большой красный бант. – Приколите... на пальто. Мандат – хорошо, но и бант не помешает.

Ирина Ивановна вновь кивнула, быстро добежала до парадной. Комиссар застыл на подножке грузовика, глядя ей вслед и отчего-то хмурясь.

Она почувствовала его взгляд, обернулась вопросительно.

– Хочу удостовериться, что с вами всё в порядке! – заторопился комиссар. – Где этот каналья дворник, буржуй недорезанный?!

– Помилуйте, товарищ Михаил, ну как же так, дворник – и «буржуй»?

– Простите, вырвалось, – товарищ Михаил опять смутился.

Меж тем дверь запертого по ночному (и вообще тревожному) времени парадного распахнулась, появилась бородатая физиономия дворника. Ирина Ивановна поспешно сунула ему монетку, исчезая в проёме. Угостив комиссара весьма неласковым взглядом, дворник с шумом захлопнул тяжёлую дверь.

– Ишь, контра... – пробормотал Жадов. – Ладно, поехали в расположение, Егор!..

Петербург,

31 октября 1914 года

В девять утра грузовик «руссо-балт М24–40» уже стоял возле подъезда дома № 34 по Шпалерной улице.

Ирина Ивановна Шульц появилась из дверей минута в минуту. На лацкане пальто – красный бант.

– Товарищ Ирина! – Комиссар соскочил на мостовую, галантно протянул руку. – Садитесь, садитесь скорее. Едем, дел много...

– Каких же, товарищ Михаил?

– Ну, во-первых, паёк ваш. Вы вот ели утром?... Небось ведь нет!..

– Полночи гремело, лавки все закрыты, – кивнула Ирина Ивановна. – Так что не откажусь, товарищ Михаил. Подруга моя со стариком-отцом тоже сидят без единой крошки, все запасы прикончили.

– А они как? – подозрительно осведомился комиссар. – Наши? Или небось нет?..

– Подруга моя – наша, – мигом ответила Ирина Ивановна. – А отец... ну, старорежимный он, конечно, но – сочувствующий.

– Это вы хорошо сказали – «старорежимный»! – одобрил Жадов. – Едемте, едемте! Сегодня такой день... такой день будет!..

– Какой же? – невозмутимо поинтересовалась товарищ Ирина, устраиваясь на переднем сиденье грузовика.

Комиссар только сделал загадочное лицо.

– Трогай, Егор, трогай, да живее! Товарищ Ирина, «люгер» вам тоже подобрали. И с кобурой!..

– О, благодарю!..

В бывшем полицейском участке Жадов торжественно вручил «товарищу Ирине» новенький, в заводской смазке, «люгер», столь же новенькую кобуру, три запасные обоймы и целый кофр с патронами.

И, конечно, простодушный комиссар даже не заметил едва дрогнувших губ m-lle Шульц. И не догадался, что думает она сейчас о том разгромленном магазине, откуда появилось это великолепие, и о том, что случилось с его хозяевами, живы ли они вообще?..

Но вслух она, само собой, ничего не сказала. Только поблагодарила – и за «люгер», и за аккуратно, по-приказщически перевязанный шпагатом пакет вощёной бумаги, где имелись и мука, и сахар, и соль, и крупа, и консервы, и даже табак.

– Пейте чай, товарищ Ирина. Вот сахар, только что покололи...

– Спасибо, товарищ Михаил. Но я без дела сидеть не привыкла и даром пайки получать тоже. Я готова исполнять задания пар... то есть трудового народа!

– Именно! Именно трудового народа! – обрадовался комиссар. – Ешьте, товарищ Ирина, ешьте. Вот, колбасы подвезли. Хорошая, домашняя.

– Спасибо, – повторила Ирина Ивановна. – Но всё-таки, как насчёт дела? Я не колбасой закусывать к вам шла, товарищ Михаил!

– Дело. Да-да, конечно, дело, – заторопился Жадов. – У нас в бумагах, честно признаюсь, беспорядок полный. Даже и просто грамотных не хватает. Кипа дел валяется, уголовный элемент бесчинствует, прикрываясь революционными событиями!..

– Что ж, делопроизводство мне знакомо, – кивнула Ирина Ивановна. – Текущие бумаги разберём. Я так понимаю, что и новые надо писать не абы как, а по форме. Воля трудового народа диктует новые законы, мы должны руководствоваться революционным, классовым правосознанием; но при этом и не допускать, по возможности, никаких эксцессов!

– Как вы прекрасно говорите! – вновь восхитился комиссар. – Да, так и сделаем. Для начала...

Но что именно «для начала», он закончить так и не успел. Затопали сапоги, хлопнула дверь, через порог ввалился матрос, перепоясанный патронташами и с форсистыми «маузерами» на каждом боку.

– Комиссар Жадов? Приказ Петросовета. От товарища Благоева!

Дешёвый конверт скверного качества из обёрточной бумаги. Кое-как наклепленные сургучные печати.

Жадов кивнул.

– Спасибо, товарищ.

– Там ответ требуется. – Матрос ощерился. На переднем зубе сверкнула золотая фикса, как у блатных.

– Будет, будет тебе ответ, товарищ, – буркнул комиссар недовольно. – Вот, товарищ Ирина, гляньте...

Ирина Ивановна невозмутимо взяла напечатанный на машинке приказ. Внизу – фиолетовая печать и размашистая подпись: «Председатель Военно-революционного подкомитета Петербургского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Благоев».

– Это приказ, – спокойно заметила она. – Приказ занять определённые места в городе. Какой ответ вам требуется, товарищ?

– Как это какой, барышенька? Получение подтвердить, об исполнении донести!

– Хорошо. – Ирина Ивановна обмакнула перо. – «Настоящим... подтверждаю... получение боевого приказа Петросовета за номером... от 31 октября... комиссар... Жадов». Товарищ Михаил, распишитесь. А я пойду строить бойцов.

И прежде чем комиссар успел что-то сказать или сделать, она шлёпнула на стол прямо перед ним каллиграфически выписанный ответ – и быстрым шагом почти выбежала наружу.

– А боевая она у тебя, комиссар, – ухмыльнулся матрос. – Огонь-девка, хоть и из этих, буржуёв, значит. Как, поделишься? Люблю таких, бешеных. Тихонь не люблю.

На скулах Жарова вспухли желваки, однако он ничего не сказал. Перо в его грубых пальцах почти рвало бумагу.

– Держи, товарищ. И ступай, доставь мой ответ куда следует. А про огонь-девок после поговорим, коль доживём, конечно.

Матрос снова ухмыльнулся.

– Доживём, братишка, доживём. Тогда и посмотрим, какая из девок чья будет.

За окном меж тем раздавались звонкие приказы:

– Становись, товарищи! Становись! Слушай мою команду – согласно приказу Петросовета, выступаем на занятие городской телефонной станции!..

Матрос почти выхватил у нахмурившегося комиссара листок, с преувеличенным пиететом отковырял и отправился восвояси. Жадов, по-прежнему кривясь, только помотал головой, выругался вполголоса и почти бегом бросился к своему отряду.

Они мчались по утреннему городу, застывшему меж явью и сном, меж прежней жизнью, которой уже не стало, и новой, что ещё не успела настать. На улицах, однако, хватало народу, правда, не обычного люда, что толпился всегда под серым столичным небом.

По тротуарам и мостовым, мимо закрытых лавок, мимо выбитых окон роскошных и не очень магазинов торопились отряды: солдаты в длинных серых шинелях, матросы в чёрном, рабочий люд во всём, что только нашлось. С винтовками, дробовиками, шашками, явно отобранными у жандармов и городских, а иные и просто с топорами. Ползли низкие зеленоватые туши броневиков, поводя тупыми рылами пулемётов; кое-где встречались даже конные запряжки с трёхдюймовыми орудиями на передках.

И это был не хаос, за марширующими отрядами чувствовалась железная воля – все знали свой манёвр, всем было известно, куда идти. Командиры озабоченно поглядывали на часы.

Грузовики особого отряда охраны Петросовета под началом комиссара Жадова подкатили к зданию на Большой Морской, 22. На тротуаре перед тёмной аркой двора – баррикады из мешков, возведённые с поистине немецкой аккуратностью, по всем правилам: углом, с пулёмётными гнёздами. Солдаты в островерхих пикельхельмах, однако, толпились в проёме, горел костёр.

– Что вы собираетесь делать, товарищ Михаил? – Ирина Ивановна спокойно достала из кобуры новый «люгер».

– Как что? Атаковать!

– Погодите. Дайте мне с ними поговорить. Как-никак, моя фамилия Шульц и по-немецки я говорю достаточно свободно.

– Нет! – всполошился комиссар, но Ирина Ивановна уже спрыгнула с подножки.

Солдаты за баррикадой дружно вскинули винтовки, и пулёмётный хобот свирепо уставился прямо в лоб переднему грузовику; однако, завидев одиноко идущую прямо к ним женщину, немцы, похоже, несколько успокоились.

Винтовки, правда, не опустили.

Комиссар Жадов глядел вслед тонкой фигурке, и рука его, внезапно вспотевшая, яростно тискала рукоять «маузера». Вспотевшая не от страха, нет – хаживал и на японские штыки, и на турецкие пулемёты. А отчего же тогда – он и сам не знал.

Товарищ Шульц остановилась у самой немецкой баррикады. Начала разговор.

– Guten Tag, meine Herren, ich muss mit dem Offizier sprechen⁶.

Дальнейшего он уже не мог разобрать, потому что к Ирине Ивановне и впрямь протиснулся какой-то офицерик – узкий серебряный погончик на плечах. В разговоре товарищ Ирина небрежно обернулась, указывая рукой куда-то на крыши домов напротив; её собеседник, казалось, выглядел озабоченным.

Наконец Ирина Ивановна махнула Жадову – давай, мол, сюда.

Комиссар пошёл. Не сказать, что поджилки у него тряслись, – был он из куда более прочного материала, – но неприятно было, потому что немцы деловито взяли его на прицел. Офицер, однако, вместе с некоторыми другими принялся озираться по сторонам, с известной нервностью оглядывая верхние этажи и крыши нависавших над Большой Морской домов.

– Das ist Kommissar Schadow. Rat der Arbeiterdeputierten⁷.

Означенный Kommissar Schadow попытался неловко поклониться.

– Идёмте, – властно сказала Ирина Ивановна. – И возьмите с собой десяток ваших людей.

– Товарищ Ирина...

– Тсс, тихо! Я потом всё объясню. Десять человек без пулемётов они пропустят.

Комиссар счёл за лучшее не возражать.

Немцы смотрели на них насторожённо, но и в самом деле пропустили.

Внутри, в огромном, очень длинном, вытянутом зале, у коммутаторов – высоченных панелей со шнурами и штекерами, вручную втыкавшимися «телефонными барышнями» в гнездо нужного номера, – на них разом уставились десятки глаз. Немцев здесь оказалось ещё меньше, офицер да трое солдат, маявшихся у конторки.

Ирина Ивановна широким шагом направилась прямо к ним.

– Herr Hauptmann, ich muss Sie benachrichtigen...⁸

И разразилась длиннейшей тирадой по-немецки, из которой Kommissar Schadow не понял ровным счётом ничего.

Немец, однако, выслушал Ирину Ивановну внимательно и даже благосклонно. Кивнул и с деланным равнодушием отвернулся – мол, умываю руки.

– Всё в порядке, – услышал Жадов её шёпот. – Сейчас пройдите мимо телефонисток, скажите им – только вполголоса, умоляю! – чтобы они отключили бы телефоны Таврического дворца. Все, какие только есть.

У комиссара глаза аж на лоб полезли.

– Как вы сумели, тов...

– Потом все расспросы, потом! – зло прошипела Ирина Ивановна. – Зачем нам контроль за телефонной станцией, если не отключены аппараты «временных»? А кроме как отключить их – что мы ещё можем сделать? В огромном городе и так стрельба, ад кромешный, много убитых и раненых, людям нужно оставить средства коммуникации! Те же больницы, госпиталя, аптеки!..

– Вы правы, вы совершенно правы, – только и нашёлся Жадов.

Сказано – сделано.

Телефонистки, испуганно косясь на «люгер» в руках госпожи (или товарища?) Шульц, поспешно выдергивали провода из гнезд.

---

⁶ «Добрый день, господа, мне нужно поговорить с офицером» (нем.).

⁷ Совет рабочих депутатов (нем.).

⁸ Господин капитан, я должна уведомить вас (нем.).

– И позвоните вашим, в Петросовет, – властно распорядилась Ирина Ивановна. – Пусть проверят. И позвонят сюда. По номеру... голубушка, какой у вас служебный номер, да-да, вот этот? Записывайте, товарищ Михаил, да не мешкайте, ради мировой революции!

Очень скоро всё и впрямь устроилось именно так, как и говорила товарищ Шульц.

Немцы сидели себе, и станция оставалась как бы в их руках; телефонистки работали, боязливо порой оглядываясь на решительного вида товарища Ирину. Комиссар Жадов наконец решил, что пора задавать вопросы:

– Что вы им сказали, Ирина Ивановна? Там, на улице?

– А, там-то? Ничего особенного. Снайперы на крышах, сказала. И ещё добавила, что им тут совершенно не за что головы класть, – нам всего-то и надо, что внутрь зайти небольшим отрядом.

– И они повелись на это? – поразился Жадов.

– Как видите. – Ирина Ивановна пожалала плечами. – Немцы хоть и формалисты, а голова на плечах у них тоже имеется.

– В каком смысле?

– В том, что они понимают прекрасно – «временным» осталось совсем немного. Рабочая гвардия, солдатские запасные полки, народ, наконец, – все против них. У Временного собрания нет своих войск, вообще. Юнкера, какие имелись, по большей части прорвались из города вместе с... монархистами. Полиция разбежалась. Кто остался? Только немецкие части. А немцам проще договориться с Петросоветом, с реальной властью.

Жадов слушал m-lle Шульц словно соловья.

– Как вы правильно всё излагаете, товарищ Ирина! Но откуда вы всё это знаете?

– Элементарно, товарищ комиссар, – усмехнулась его собеседница. – Что требуется немцам? Вывести Россию из строя перед большой европейской войной, обеспечить себе спокойный тыл. Как это сделать? Да ещё и чтобы без настоящего вторжения, с миллионными армиями? Ясное дело, поддержать переворот. А уж кто там окажется во главе, Временное собрание или наш Петросовет, – немцы полагают, что неважно. Вот эти... монархисты, – она слегка запнулась на последнем слове, но комиссар ничего не заметил, – вырвались из города. Чем это грозит? Гражданской войной, самое меньшее. С точки зрения Берлина – прекрасно. Россия увязнет во внутренних смутах и сварах; ей будет уже не до большой Европы.

– Так вот почему они этой контре уйти дали! – злобно прошипел Жадов. – Тоже мне, союзнички... «Помогаем обрести свободу»...

– Да все уже мозоль на языке стёрли, повторяя, что Германский Рейх помогает опрокинуть самодержавие в России, но у них-то Вильгельм как правил, так и правит, – заметила Ирина Ивановна. – Союзнички, именно что. И каждый «партнёра» вокруг пальца обвести норовит. Наши «временные» наивно полагают, что рейхсхеер поможет им утвердиться, а потом тихонько уйдёт, взамен истребовав какие-нибудь концессии для Круппа с Тиссеном; ну или небольшие уступки в Прибалтике с Польшей. А они не уйдут, пока не удостоверятся, что в России пожар от Балтики до Амура.

– Так что же делать?

– То, что начали сегодня, – невозмутимо уронила Ирина Ивановна. – Брать власть. Немцев вежливо проводить. Может, и впрямь им концессии дать. Или Польшу. Пусть забирают – всё равно нам от поляков никакой прибыли, одни восстания. Да и то сказать... если я правильно понимаю, что говорят товарищи Старик и Лев, что пишет товарищ Благоев, то скоро все границы никакого значения иметь не будут – когда победит всемирная пролетарская революция и власть повсюду на земле возьмут рабочие с крестьянами. Зачем им рубежи? И какая тогда разница, «чья Польша»? Ни поляк на русского волком смотреть не будет, ни русский на поляка.

– Верно! Как это верно, да! – комиссар взирал на Ирину Ивановну с искренним восхищением. – Точно так! Так оно и будет!..

– У пролетария ведь нет отечества, – пояснила товарищ Шульц. – Отечество ему – весь земной шар. Нечего терять пролетарию, кроме своих цепей, и нет ему нужды считаться кровью, кто тут русский, кто немец, кто поляк, а кто француз. Всем вместе подняться надо, гнёт вековой скинуть... Но это, товарищ Михаил, ещё не сейчас. Пока что нам победить надо. Здесь, в Петербурге. И мы победим!

– Победим! Непременно! – горячо поддержал комиссар. И, словно в растерянности после такой горячей речи, завертел головой, будто ему невыносимо жал воротник: – Но что же делать? У нас приказ – удерживать станцию...

– Мы и удерживаем, – усмехнулась Ирина Ивановна. – Как видите, бескровно и без особых усилий. А с этими немцами мы договоримся. Вот увидите.

– Но... но... мы-то здесь сидим, а другие...

– А вы оставьте тут проверенных бойцов, – посоветовала товарищ Ирина. – Вот этот ваш десяток. А с остальными – поедem к Таврическому. Там сейчас будут главные события...

Сказано – сделано. Десяток солдат и впрямь остался на телефонной станции – немец-гауптман лишь кивнул; правда, Ирине Ивановне он подмигнул при этом очень понимающе.

Загрузились в кузова. Завели моторы.

Невский, против всех ожиданий, был не пуст и не тих. Тротуары заполняли толпы; прямо из окон в народ кто-то кидал охапки листовок. Немцев почти не было видно – а где они и имелись, то в происходящее никак не вмешивались.

У Аничкова моста громоздились мешки и брёвна разобранной баррикады; у стены дворца Белосельских-Белозерских до сих пор уныло торчал желтовато-ржавый остов сгоревшего «мариенвагена», стены обильно побиты пулями.

– Здесь, кстати, рота кадет-александровцев стояла, – заметил Жадов. – Крепко держались, хоть и мальчишки сопливые... не удалось прорваться, даже немцы не смогли, кровью умылись...

Ирина Ивановна холодно кивнула.

– Я очень надеюсь, что они теперь уже разбежались по домам. К родителям.

– Не знаю, не знаю... – проворчал комиссар. – Уж больно твёрдо стояли. Такие не разбегутся. Жалко дураков, пропадут ведь, окажутся на пути у мировой революции...

– Жалко, – сухо проронила товарищ Шульц. – Но прогресс не остановить! Малой кровью сегодня мы предотвратим великую кровь завтра. Не думайте, что вы меня этим смутите, товарищ комиссар.

– Помилуйте, товарищ Ирина! – заторопился Жадов. – И в мыслях не держал!

Она кивнула.

– Подумаем об этом после. Пока что, – она усмехнулась, – пришла пора сказать: «Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!»

– Именно! Именно кончилось!

Грузовики отряда едва пробились через заполненную народом Знаменскую площадь. Всюду – красные знамёна, растянуты транспаранты: «Вся власть Петросовѣту!», смешанные с ещё старыми «Долой самодержавіе!»; кучка немецких солдат застыла у входа в Николаевский, ныне Московский, вокзал, но непохоже было, что они что-то пытались охранять. Да и их толпа словно не замечала.

Рядом с немецкими солдатами стояли и другие, в русских долгополых шинелях, но по виду – никак не возрастные мужички третьей очереди из запасных полков; нет, спокойные, сосредоточенные, сдержанные бойцы при английских «люисах». С немцами они обменивались короткими понимающими взглядами.

Грузовики комиссара Жадова оставили позади вокзал, понеслись по Суворовскому проспекту. Хотя, конечно, «понеслись» – громко сказано: к Таврическому дворцу торопился сейчас и стар и млад.

– Кончаем «временных»!

– Долой!

– Да здравствует революция! – надрывным фальцетом выкрикивал какой-то бледный юноша в приличном пальто, вскарабкавшись до середины фонарного столба.

Ирина Ивановна отвернулась. Пальцы сильнее сжались на рукояти «люгера».

Возле Таврического сада и его оранжерей слышалась, однако, частая стрельба. Громкая россыпь винтовочных выстрелов, перемежающаяся пулемётными очередями.

– Кто-то там засел, защищаются, – озабоченно, но без страха заметил Жадов. – Кто ж такие дурные-то? Может, немцы какие?

– Может, и немцы, – Ирина Ивановна пожала плечами. – Да только дело их – табак. Дворец окружают, деваться «временным» некуда. Сдадутся. Пойдут под суд трудового народа.

...К самому дворцу подъехать не удалось. От Мариинского института до угла Суворовского музея протянулась кое-как наваленная баррикада – несколько телег с мешками, груда бочек, каких-то ящиков и прочего.

Машины остановились – путь преградили несколько рабочих с винтовками и алыми бантами на отворотах пальто.

– Сто-ой! Куда, болезные?! Не видите, что ль, – пуляют тут «временные»! Да ещё как – головы не поднять!

– Никуда мы не лезем, чай, не дурнее тебя, – огрызнулся Жадов. – Вот что, товарищи, – позовите-ка лучше кого-нить, кто тут распоряжается!

– Это мы враз, эй, Митька! Гони-ка до начальства!..

Подошёл военный в перетянутой ремнями шинели, с красной повязкой на рукаве; выправка – настоящая. Из кадровых. Аккуратные усы, идеально выбритый подбородок, стальные серые глаза. Сосредоточенные и злые.

– Отряд товарища Жадова?

– Так точно! – отозвался комиссар. – Приказ Петросовета выполнен, телефонная станция занята без боя, оставлена под надёжной охраной!

Военный кивнул. Шинель была хоть и офицерская, но без погон.

Посмотрел холодно, пронизывающе.

– Вашему отряду надлежит занять позицию на углу Кирочной и Таврической, у музея Суворова. Противник силами до роты при самом меньшем трёх пулемётах пытается укрепиться в саду, сразу за протокой. Ведёт беспорядочный ружейный огонь. Ваша задача – сковать его действия до сигнала к общей атаке. Сигнал – три красные ракеты, сразу после того, как закончит артиллерия. Задача ясна, товарищ комиссар?

– Так точно! – повторил Жадов, очень стараясь, чтобы это вышло бы и лихо, и молодежато. Военный кивнул, в упор взглянул на Ирину Ивановну.

– А это кто такая? – осведомился без малейшей приязни. – Почему женщина в боевых порядках?

– А вы сами-то кто такой? – Товарищ Шульц тоже в карман за словом не полезла. – Ваш мандат, товарищ?

Комиссар пихнул её локтем в бок.

– Полковник Мельников. Товарищ Мельников. Первый заместитель товарища Благоева по военным и морским делам!..

– Простите, не имела чести быть представлена, – холодно кивнула Ирина Ивановна. – Шульц. По...

– Мой заместитель по деловой части, – поспешно перебил её Жадов. – Навела порядок в бумагах! И бойцов правильно ориентирует! В текущем моменте разбирается!..

– Да у неё же на лбу контра написана, – без выражения бросил полковник Мельников. – Смотри, комиссар, обведут тебя вокруг пальца. Я б на твоём месте гнал эту дамочку куда подальше. Не место таким среди авангарда трудового народа.

– Поговорим об этом после победы, товарищ Мельников, – твёрдо ответил Жадов. – Я за товарища Шульц ручаюсь всем моим большевицким прошлым и настоящим.

– Ну если ручаешься, комиссар... – пожал плечами его собеседник. И отошёл, махнув рукой в тонкой лайковой перчатке. – Выполняй приказ Петросовета.

– Приказ будет выполнен!

Ирина Ивановна поджала губы, провожая взглядом отошедшего полковника.

– Откуда он вообще взялся, товарищ Михаил? У него ж тоже, как он выражается, «на лбу» Николаевская академия написана.

Комиссар пожал плечами.

– Видел его в Петросовете, товарищ Ирина. Только и всего. А остального – кто он да откуда – не ведаю.

– Понятно... вот что, комиссар, давайте-ка я тоже попытаюсь с этим противником, которого там «до роты», поговорить. Как-никак, русские люди, солдаты. Крови уже достаточно пролилось. Буржуйам её пускать надо, министрам-капиталистам, а не простым мужикам в солдатских шинелях.

Комиссар заколебался. Оглянулся на своих людей – и тут с угла Таврического сада грянули несколько выстрелов – от стен полетела штукатурка.

– Этот Мельников прав, тут без артиллерии не сунешься. Половину отряда положим, а там вода к тому же. Разрешите мне попробовать, товарищ Михаил!

– Страшно мне вас отпускать, товарищ Ирина, – вдруг вырвалось у комиссара. – Не могу – вдруг случится чего с вами?.. Вот как подумаю – всё внутри переворачивается!.. Знаю, что нельзя так, – а всё равно!..

– Если случится, – прохладно уронила Ирина Ивановна, – значит, суждено мне жертвою пасть в борьбе роковой. Погибнуть за счастье трудового народа, за свободу, за мировую революцию.

– Нет! Нет! Что за глупости, Ирина! – от волнения комиссар даже забыл о «товарище». – Не ходите никуда! Сейчас подтянут артиллерию, и...

– Да незачем её подтягивать, – пожал плечами Ирина Ивановна. – Не знаю, кто защищает этих «временных», но они обречены. Весь город в наших руках. Сколько они ещё просидят в этом дворце? Сутки? Двое? А потом что? Верных частей у них нет. Нам уж скорее надо о бежавшем го... царе бывшем то есть, беспокоиться. А этих-то?.. Нет, товарищ Михаил, я пойду, и не вздумайте меня останавливать!

– Вас, пожалуй, остановишь... – Комиссар был бледен.

– Дайте лучше что-нибудь белое. Пока этот «полковник Мельников», или как его там по-настоящему, и в самом деле не начал из пушек палить.

...Комиссар Михаил Жадов, пригнувшись за баррикадой, глядел вслед тонкой фигурке в коротком пальто, что медленно шла сейчас по ничейной земле, высоко подняв над головой белую тряпку.

Ограда сада, чёрная решётка, была кое-где опрокинута, в одном месте замер подбитый броневик, пытавшийся, судя по всему, протаранить преграду. Возле него застыл убитый – в тёмной куртке рабочего.

С той стороны не стреляли. И вообще вокруг Таврического дворца внезапно наступила какая-то нехорошая, ждущая, сосущая сердце тишина.

Ирина Ивановна аккуратно перебралась через поваленную ограду. Облетевшие кусты безжалостно порублены топорами – здесь расчищали сектора обстрела.

– Я пришла с миром! – крикнула она громко, и слова эти показались ей самой такими странными, нелепыми и наигранными. – Позвольте приблизиться! Не стреляйте!

– Мы не стреляем в парламентёров, – вдруг раздался звонкий и совсем молодой голос. – Спускайтесь к воде... Ирина Ивановна!

Она вздрогнула. Белая тряпка едва не выпала из рук.

Однако к каналу она спустилась, в неглубокую выемку, не скрывавшую её даже и до пояса.

С той стороны среди деревьев появились одна за другой три фигуры в шинелях, ловкие, гибкие. Не выпрямляясь, скользнули со своей стороны к урезу воды.

– Не бойтесь, Ирина Ивановна, – сказал один из новоприбывших. – Вы можете сюда, к нам... тут доски под водой, мы устроили... Федотов, тyani, Сашка!

Они втроём потянули за скрытую в палой листве верёвку. Из-под воды и впрямь появились хитро притопленные доски скрытого мостика.

– Идите к нам, не бойтесь! – повторил говоривший.

Ирина Ивановна перешла молча, по-прежнему высоко поднимая белую тряпку.

На том берегу её ждали – три молодых безусых юнкера. «Павлоны», первый год.

– Здравствуйте, Ирина Ивановна, – вежливо сказал один из них, снимая фуражку.

– Здравствуйте, Леонид, – проговорила она каким-то неживым, совершенно искусственным голосом. – Леонид Воронов. Не ожидала встретить вас здесь, господин юнкер.

– А наших здесь много, Ирина Ивановна, – легко ответил Воронов. Был он весь тонок, высок ростом и на вид казался даже хрупким; однако винтовка лежала у него в руках как влитая. – Далеко не все на юг ушли. Да, – он обернулся к своим молчаливым товарищам, – прошу любить и жаловать. Мадемуазель Ирина Ивановна Шульц, моя учительница... в Александровском корпусе. Ещё прошлой весной на уроках у вас сидел, Ирина Ивановна... и экзамен выпускной сдавал...

– Представьте же своих друзей, – прежним неестественным голосом сказала Ирина Ивановна.

– О, простите. Это Юра Кевнарский, из Полтавского корпуса, а это – Иван Бурмейстер, из Омского. Мы тут, так сказать, за начальство.

– Что вы делаете у... у этих? – вдруг чуть ли не грубо перебил товарища Бурмейстер – низкий, коренастый, с рябоватым лицом и решительным взглядом. – Как вы... почему вы – с ними?

«Эти» и «с ними» у него получились почти ругательствами.

– Та-ак! Господа юнкера, это, во-первых, долгая история, а во-вторых, к тому, что я должна вам сказать, касательства не имеет, – голос Ирины Ивановны зазвенел привычным металлом.

– Пришли, чтобы предложить нам сдаться? – мрачно бросил Кевнарский.

– Нет, не сдаваться. Но... послушайте меня! – Ирина Ивановна прижала руки к груди. – Таврический дворец окружён. У Временного собрания нет сил даже на то, чтобы его удержать, не говоря уж о том, чтобы очистить город от большевистских отрядов. Немецкие добровольцы... не вмешиваются. Они договорились с Петросоветом. Будут выжидать. А сюда сейчас подтянут артиллерию – на прямую наводку... сколько вас здесь, господа юнкера? Сотня? Две? А вокруг дворца против вас – тысяч десять, это самое меньшее. И... я бы поняла, защищай вы Государя. Но этих... они же изменили присяге! Это гнусные мятежники, смутьяны, хуже любых бомбистов!.. Зачем вам умирать за них, мальчишки?!

– Мы не мальчишки! – немедленно вспыхнул Бурмейстер.

– Леонид был моим учеником совсем недавно, – парировала Ирина Ивановна. – И... из вашего ведь возраста другие в Павловское училище тоже попали, так?

– Так. Стёпка Васильчиков, например. Там, за пулемётом, в готовности, Ирина Ивановна.

– Очень хорошо. Тогда слушайте меня внимательно, господа юнкера. Я устрою так, чтобы все вы отсюда бы вышли. И даже с оружием.

– Даже с оружием? – насмешливо перебил Бурмейстер. – Чтобы сбежали? Забыли присягу? Долг?

– Ваш долг, Иван, защищать Государя, – медленно и холодно проронила Ирина Ивановна. – Государя, а не этих предателей. Не этих изменников. Вы разве не слышали, что я говорила?

– Царь это всё допустил, – отвернулся Бурмейстер. – Говорят, что и от престола отрёкся. За что ему и скрыться дали. Он, небось, уже кофий в Баден-Бадене пьёт. А нам за него умирать? Временное-то собрание, как-никак, депутаты Государственной Думы!

– Вот «Петросовет» этот – настоящие мятежники! – поддержал Кевнарский.

– Они тоже мятежники, – голос Ирины Ивановны упал до шёпота. – И если вы начнёте сопротивляться здесь и сейчас, вас просто перебьют. А если сдадитесь после того, как всё кончится, – расстреляют. У поганого рва, как самых презренных дезертиров. Вас для этого матери растили? Или, Бурмейстер, может, вы сами слышали, как Государь отрекается? Или лично в Баден-Баденской кофейне встречали? Нет? Тогда молчите и послушайте наконец. Собирайте всех своих. Всех «павлонов», всех, кого только сможете. И уходите из города. Пробирайтесь на юг, к Елисаветинску, к Ростову, к областям Войска Донского. Государь будет там. Если вы ему верны – то верны должны быть не только когда вас милостями осыпают. Или, Воронов, я вас как-то иначе учила?!

– А что ж вы сами, мадам Шульц, с красным бантиком щеголяете? – скривился Бурмейстер.

– Для того, чтобы таких дураков, как вы, Иван, из беды вытаскивать! – глаза Ирины Ивановны яростно сверкнули. – Ну что, согласны? Я вас выведу отсюда. Я обещаю. Пойду рядом с вами, и если что-то не так – вы успеете меня застрелить. Я вам даже «люгер» свой отдам.

Юнкера переглянулись в смущении. Даже Бурмейстер как-то зачесал затылок, замигал, отводя взгляд.

– Хотите умереть за Россию? Ещё успеете. Но не сегодня. И не здесь. Ну?..

– Она права, господа, – тихо вымолвил Воронов, глядя прямо в глаза друзьям. – Ирина Ивановна... Скажите... скажите *этим*, что мы готовы уйти.

– Но только с оружием! – тотчас вставил Кевнарский.

– И с пулемётами! – добавил Иван Бурмейстер.

Ирина Ивановна устало улыбнулась.

– Пулемётов обещать не могу. Но вы себе другие достанете, я уверена.

Юнкера опять переглянулись.

– Господа, – нажимала Ирина Ивановна, – сейчас сюда подтащат артиллерию. Поставят на прямую наводку. И вас разгромят. Да, вы отдадите жизни – но за что? За кого?

– За свободу, – мрачно ответил Бурмейстер. – За свободную Россию.

– Которой для свободы нужно что, непременно устроить *людобойство*? Свергнуть законного монарха, помазанника Божия? Посадить себе на шею этих расфраченных кукол из Думы, возомнивших, что они могут управлять тысячелетней державой? Ах, господа, господа юнкера! Охотно бы дискутировала с вами о свободе и пути России и дальше, но время истекает. Люди, что здесь командуют, – она кивком указала себе за спину, – они совсем иные. Они не колеблются, они полгорода снарядами снесут, если нужно. Есть тут мирные обыватели или нет,

неважно. Поэтому не надо упираться. Спорить о высоких материях хорошо с живыми. А не с мёртвыми, в коих вы, друзья мои, неминуемо обратитесь.

– Мы не сложим оружия. – Бледный, но решительный Воронов скрестил руки на груди.

– Я сделаю всё, чтобы устроить вам выход без разоружения. Совру, если надо. Господь простит мне этот грех, надеюсь. – Ирина Ивановна широко перекрестилась. – А вы, коль выберетесь отсюда, то, как я сказала – сразу же прочь из города. На Дон, на Кубань, в Таврию.

– А что же вы, госпожа Шульц?

– А я, господин Бурмейстер, останусь здесь. Тут я сейчас нужнее.

– С ними, значит, останетесь, – тяжело взглянул тот. – С бунтовщиками. С эсдеками!..

– Это неважно. – Ирина Ивановна слегка побледнела, но голос оставался твёрд. – За себя я сама отвечу, за все прегрешения свои. Ну же, господа, хватит уже. Решайтесь.

Повисло тяжкое молчание. Октябрьский ветер еле шевелил нагие ветви – осень пришла ранняя, вся листва давным-давно опала. Серые туши облаков продавили небо, словно толстяк – тощий казённый матрас, набитый соломой.

– Хорошо, господа, – наконец решился Леонид. – Я вам верю, Ирина Ивановна. Мы оставим позиции. Но только...

– Но только выходя отсюда строим и при оружии! – поспешно перебил Иван.

Кевнарский кивнул, соглашаясь.

– Собирайте юнкеров, – тихо сказала Ирина Ивановна. – Я предупрежу... тех. И вернусь. И пойду с вами. Если что-то случится – умру первая.

Юнкера замаялись.

– Ну, мы... тогда того?..

– Собирайте своих, – настойчиво повторила госпожа Шульц. – Пулемёты бросьте. Выходите через мост, колонной. Я вас встречу.

– Ага, мы – колонной, а нас – залпами... или очередями, – проворчал Бурмейстер, но уже больше для порядка.

– Не будет этого, – убеждённо сказала Ирина Ивановна. – *Пока* не будет. Пока *их* ещё можно уговорить. Воззвать к совести, к милосердию. Но чем дальше, тем станет труднее. Они попробуют кровь на вкус... и она им понравится.

И сказала она это так, что юнкера больше уже не спорили.

– Они хотят *что*?! – у комиссара Жадова, казалось, вот-вот из ушей повалит дым от возмущения. – Выйти *с оружием*?!

Ирина Ивановна на миг зажмурилась. Выдохнула. И вновь открыла глаза.

– Товарищ Михаил. Это юнкера Павловского училища, «павлоны». Они не побегут, даже под шрапнелью. У них там три станковых пулемёта, и я заметила не меньше пяти ручных. Полковник Мельников был прав – их позиция весьма неплоха, за водной преградой, хоть и неглубокой. Умоемся кровью, товарищ комиссар, и задачи не выполним. Пусть уходят. У врага оголится тыл. После этого «временным» останется только сдаться.

– А эти господинчики?!

– А что они нам сделают? Пусть бегут. Я ведь знаю эту публику, преподавала таким же. Слово будут держать. Разойдутся по домам, попрячутся в имения, у кого они остались. А там... разберёмся и с эксплуататорскими классами!

– Это вы верно говорите, товарищ Ирина... насчёт эксплуататорских классов... Но эти-то, юнкеришки...

– Всё! – оборвала спор Ирина Ивановна. – Я иду к ним. Я обещала. А вы, товарищ Михаил... объясните товарищам, что это для нашей же победы. В них меньше стрелять будут.

Повернулась спиной – и пошла, твёрдо стуча каблучками ботишков по брусчатке. А навстречу ей, по Таврической, от задних ворот сада, двинулась толпа фигур в длинных шинелях, винтовки на изготовку.

– Отставить! – как заправский фельдфебель, командовала Ирина Ивановна, слегка запыхавшись. – В колонну по четыре – становись! На плечо! Шагом – марш!

Юнкера шагнули, дружно, в ногу, как их учили и как они умели.

Шли мимо испуганно-занавешенных окон, словно тяжёлые шторы или даже подушки могли кому-то помочь или от чего-то защитить.

Шли мимо наглухо запертых парадных, которые, однако, так нетрудно будет разбить ломом или попросту подорвать гранатами, коли нужда придёт.

Шли мимо провожавших их насмешливыми взглядами красногвардейцев:

– Давай, давай, белая кость! Проваливай, покуда живы!..

Однако телегу в баррикаде всё-таки откатали.

Юнкера промаршировали сквозь, не повернув голов.

Ирина Ивановна смотрела им вслед, пока колонна «павлонов» не скрылась за углом, повернув на Суворовский проспект.

– Ну, что ж вы медлите, товарищ Михаил? Проявляйте революционную инициативу и сознательность, занимайте позиции отступившего врага!

Комиссар хотел что-то сказать, хотел словно даже схватить Ирину Ивановну за локти, но вовремя опомнился.

И его отряд на самом деле «занял позиции отступившего врага» – ровно в тот момент, когда через разобранную баррикаду одна за другой проехали три конные запряжки с лёгкими горными пушками.

С передка прыгнул не кто иной, как тот самый полковник Мельников.

Спрыгнул ловко, легко, по-молодому.

– Что здесь происходит?!

– Заняли оставленные противником позиции, товарищ Мельников! – стараясь подражать военным, отрапортовал комиссар.

– А где противник? – медленно спросил полковник, озираясь.

– Отступил!

– Куда? Во дворец?

– Нет, они... ушли отсюда. По Суворовскому. Позиции оставили...

– Вы их выпустили? – полковник ощерился, в глазах блеснула настоящая ненависть. – Вы этих мразей выпустили?! Дали им уйти?!

– Товарищ Мельников, так ведь мальчишки же... юнцы безусые, сопляки... сами ушли, без выстрелов, без крови... мы теперь на самых задах дворца... это же хорошо, да?

Рука полковника – или кем он там являлся в действительности? – лежала на кобуре «маузера». Ирина Ивановна, полузакрытая Жадовым, осторожным и мягким движением достала «люгер».

– Классовый враг должен быть уничтожен, – отчеканил Мельников. – Чем раньше, тем лучше. Каждый из этих «мальчишек», которых ты так жалеешь, комиссар, будет теперь убивать рабочих, жечь, пытать и вешать, насиловать их жён, детей на штыки поднимать. Это ты понимаешь, Жадов? Или эта, – он ткнул в сторону Ирины Ивановны, – у тебя последний разум высосала, эта... – и он добавил грязное слово.

Жадов побелел. И прежде, чем кто-то успел хоть слово сказать, пудовый кулак комиссара врезался в подбородок полковнику, идеально выбритый, несмотря ни на что.

Хотя удар и был нанесён стремительно, неожиданно, полковник успел слегка отклониться – но всё-таки недостаточно. Его опрокинуло на спину, фуражка смягчила удар затылка о камни.

Ирина Ивановна шагнула к нему, направляя ствол «люгера» прямо тому в лоб.

Полковник захрипел, помутившийся было взгляд быстро становился вновь осмысленным.

– Не желаете ли извиниться, гражданин? – холодно осведомилась Ирина Ивановна.

Полковник вскочил с неожиданной лёгкостью, словно и не пропустил только что тяжёлый удар. На пистолет в руке Ирины Ивановны он даже не посмотрел, словно не веря, что она способна выстрелить.

– Что ж, комиссар, решил на кулачках потягаться? Это можно. А вы, мадам, опустите пушку, ещё выпалите с перепугу. Ну, комиссар? Давай сюда, поближе.

– Прекратите! – выкрикнула Ирина Ивановна, но Жадов с Ивановым, само собой, её уже не слышали.

Комиссар, похоже, был тоже не дурак подражаться.

– Господи! У них революция, а они!.. – не выдержала Ирина Ивановна. И несколько бойцов постарше из их отряда даже засмеялись – настолько дико и абсурдно всё это выглядело.

Полковник Мельников, однако, оказался не лыком шит. Странно качнулся влево-вправо и ударил – резко, точно, и впрямь мастер бокса, с такой быстротой, что движения было почти не различить. Голова комиссара дёрнулась от пропущенного удара, а в следующий миг полковник сшиб Жадова с ног ловкой подсечкой, придавил к камням – колено на горле.

– Всё-всё-всё, уже всё, – хладнокровно бросил Мельников, поднимаясь. – Считаю, мы квиты, комиссар. Друг с другом разобрались, теперь буржуев добивать надо. Но, Жадов, если опять контру отпустишь – так и знай, лично расстреляю. А твою пэ-пэ-жэ... научи стрелять, что ли. А то ведь и убьёт кого-то ненароком.

– «Твою пэ-пэ-жэ»? Это ещё что такое?! – Ирина Ивановна бросила через плечо, помогая подняться болезненно морщившемуся Жадову.

– Походно-полевая жена. Не слыхали, что ли? – ухмыльнулся полковник.

И тут комиссар Михаил Жадов удивил всех.

– Не знаю никаких «походно-полевых». Ирина Ивановна – моя жена! Законная! – вдруг бросил он прямо в лицо полковнику.

Тот явно хотел ответить чем-то саркастическим – но в этот момент над противоположной стороной Таврического сада взлетели алые сигнальные ракеты.

– Атака! – резко бросил Мельников, одним движением выхватывая «маузер». Несмотря на то что из огромной деревянной кобуры его и просто вытащить не так-то легко. – Вперёд, за мной! Да здравствует революция! Ура, товарищи!

– Ура! – подхватил отряд комиссара Жадова и другие, успевшие подтянуться к Суворовскому музею.

По пустому, полумёртвому саду бежали тёмные цепи – солдаты, матросы, множество гражданских в тёмных пальто и куртках, наставив штыки.

Ирина Ивановна Шульц бежала вместе с остальными, не отставая от комиссара. С того самого момента, как Жадов объявил её своей «настоящей женой», они не обменялись и единым словом. Смотреть в глаза Ирине Ивановне комиссар тоже избегал.

Со стороны Невы бухнул артиллерийский выстрел, и сразу же грянул разрыв снаряда. И частая-частая стрельба.

В них тоже кто-то выстрелил, неприцельно; какие-то фигурки заматались у высоких окон зала заседаний Государственной Думы, что выходили как раз на большой пруд; из наступающих цепей тоже начали стрелять, посыпались стёкла; оконные проёмы лишь до половины заполняли мешки с песком.

Никакого порядка в наступлении не было, никто не организовывал стрельбу залпами, как велел устав, пулемётчики не прикрывали пехоту – толпа просто валила к нарядному праздничному дворцу, беспорядочно паля куда придётся.

Атакующие появились с противоположного края пруда, от оранжерей, они накатывались со всех сторон, тёмное людское море; со стороны Шпалерной раздавалась сильная стрельба, но непонятно было, то ли это отбиваются защитники дворца, то ли огонь ведут наступающие.

Кто-то, пригибаясь, бросился наутёк из боковых дверей дворца – по ним не стреляли.

С громовым «ура!» били прикладами остатки стёкол, выламывали огромные рамы. Перепрыгивали через мешки, сплошным потоком, словно прорвавшая плотину река, врываясь в знаменитый зал заседаний.

Посреди него растерянно толпились, поспешно подняв руки, десятка полтора хорошо одетых господ в элегантных костюмах.

– Сдаёмся! Мы сдаёмся! – поспешил выкрикнуть один из них.

– Прекратим это бессмысленное кровопролитие!

Из противоположных дверей вывалилась целая толпа вооружённых людей, в самом центре которой, возбуждённо подпрыгивая, отмахивая левой рукой, словно отбивая ритм, быстро шёл, почти бежал, к столпившимся в центре зала «министрам-капиталистам» невысокий лысый человечек, в костюме с жилеткой, в начищенных туфлях – ни дать ни взять, какой-то присяжный поверенный средней руки.

Рядом с ним, отставая на полшага, торопился ещё один, в полувоенном френче и пенсне, с усами и острой бородой клинышком; в руке – направленный на министров «маузер».

А за ними ещё один – коренастый мужчина средних лет с каштановой бородой, где ещё не пробилась седина, тоже с «маузером» наготове.

Комиссар Жадов оказался рядом с Ириной Ивановной. В глаза ей он смотреть по-прежнему не решался.

Один из министров – кажется, князь Львов – шагнул вперёд.

– Господин Ульянов!.. И господин Бронштейн!..

– К вашим услугам, – выскочил вперёд последний. Он весело улыбался, глаза задорно блестели.

– Ггажданин пгедседатель так называемого Вгеменного согбания! – Тот, кого называли Ульяновым, засунул большие пальцы за проймы жилетки, выставил ногу вперёд – прямо-таки Наполеон, принимающий капитуляцию Тулона. – Настоящим мы, полномочные пгедставители Совета габочих, кгестьянских и солдатских депутатов, объявляем ваше «согбание» – низложенным!

Рев сотен глоток, выстрелы в потолок, отчего Ирина Ивановна едва не оглохла.

«Люгер» в её руке начал медленно подниматься.

Очень медленно, но неуклонно.

Людское море сдвинулось вокруг горстки министров, грозя вот-вот захлестнуть.

– Мы уступаем грубой силе, – с достоинством сказал Львов. – Но знайте, узурпация власти...

– Об этом вы сможете порассуждать в казематах Петропавловки, – вновь выскочил вперёд тот, в пенсне и с бородой клинышком, кого называли Бронштейном. – До суда. До справедливого суда трудового народа!

– Товагищ Лев! – поморщился Ульянов.

– Да-да, прости, Старик, – ухмыльнулся «товарищ Лев». – Продолжай, просим.

– Кхм. Так вот. Вгеменное согбание низложено. Его министгы – агестованы до суда. Вся власть пегеходит к Петгосовету...

– У вас ничего не получится! – перебил кто-то из министров посмелее. – Россия не допустит – Москва и Нижний, Кубань и Дон...

– В Москве пгямо сейчас наши товагищи занимают все важнейшие позиции, – перебил Ульянов. Перебил громко, так, чтобы слышали все. – Кгемль уже наш, по последним телеггафным известиям. Геволуционнные части овладевают всем железнодорожным путем от Петегбуга

до древней столицы. Немецкие добровольцы, такие же забочие и кзестьяне, одетые в солдатские шинели, не пготиводействуют бгатым по классу, пгоявляя пголетагскую сознательность!

– Немцы изменили... – выдохнул кто-то из министров.

Ирину Ивановну толкнули, к тому же перед Ульяновым, Бронштейном и Благоевым вдруг выдвинулось кольцо людей, зорко – очень зорко – озиравшихся по сторонам. А к ней вдруг обернулся комиссар Жадов и ни с того ни с сего вдруг схватил за руку.

– Сим пговозглашается Госсийская Советская Федегативная Социалистическая Геспуб-лика! Великая геволуция, о котогой так долго говорили мы, большевики, – свежила! – тор-жественно закончил Ульянов. – Уга, товарищи!

И весь зал дружно грянул «ура».

Кольцо людей совершенно закрыло троицу, возглавлявшую Петросовет. К министрам подступил конвой, их повели к выходу.

Ирина Ивановна тяжело села прямо там, где стояла.

– Ты что, ты что?! – яростно зашипел комиссар, вдруг перейдя на «ты». – Нельзя в этих кровососов стрелять! Их судить надо, «министров» этих!

– Д-да... – с явным усилием отозвалась Ирина Ивановна. – Вы правы, товарищ Михаил... «временных» должен судить трудовой народ...

Комиссар явно хотел сказать что-то ещё; но тут министров наконец вывели, Ульянов поднял руку.

– Тепегь, товарищи, пегед нами встают совегшенно новые задачи. Нельзя тегать ни минуты, пока контггеволуция, котогая, подобно гидге, непгегменно попытается поднять свою гнусную голову, гастегяна и бездействует. Ваши командигы под гуководством товарища Благоева, главы Военно-геволуционного подкомитета Петгосовета, газгьясят вам по текущему моменту. Идёмте, Лев, надо закончить с воззванием и пегвыми декггетами...

Они повернулись, по-прежнему окружённые плотным кольцом внимательных, молчаливых, насторожённых людей, не кричавших «ура» и не потрясавших оружием.

Зато товарищ Благоев остался. Спокойный, уверенный, он стоял, заложив руки за спину, обзореая толпу.

– Товарищи бойцы великой нашей революции! Громкие речи станем произносить чуть позже. А сейчас нам предстоит ещё много работы. Столица жуткой империи, угнетавшей и подавлявшей простого рабочего, крестьянина, инородца, однако, накопила немалые богатства. Эти средства должны пойти на благо трудового народа. А потому – начальники отрядов охраны Петросовета, ко мне! Получите боевые приказы. Остальные бойцы – по отрядам разберись! Собирайтесь у отрядного авто- и гужевого транспорта. День сегодня будет долгим, – Благоев вдруг улыбнулся. – Но и награда – величайшая. Первое в мире социалистическое государство трудящихся, рабочих и крестьян! А за нами последуют и иные страны – да здравствует мировая революция, товарищи! Ура!

– Ура! – грянул зал.

Ирина Ивановна закричала тоже, чувствуя на себе взгляд комиссара Жадова.

Пролог

*Академический поселок под Ленинградом,
дача профессора Онуфриева,
май 1972 года*

– Прощайте, – сказал профессор и перекинул массивный рубильник. Место, где только что стояли гости, заволочло тьмой, чёрной и непроглядной. В дверь наверху колотили так, что весь дом ходил ходуном. Профессор хладнокровно ждал.

Тьма не рассеивалась. Так и стояла, плотная, почти осязаемая.

Профессор поднял одну бровь, как бы в некотором удивлении. Постоял, глядя на чёрную полусферу. Потом усмехнулся и громко крикнул:

– Да иду, иду открывать! Что за шум, не дадут отдохнуть старому человеку!..

Дверь распахнулась, в лицо ему ударил свет мощных фонарей.

– Гражданин Онуфриев!..

– Уже семьдесят с гаком лет гражданин Онуфриев, – ворчливо ответил профессор. – Что вам угодно?

– Комитет государственной безопасности. – Крепкий, плотно сбитый человек в штатском сунул профессору под нос раскрытое удостоверение. – Сейчас будет произведён обыск принадлежащего вам домовладения. Предлагаю заранее сдать все предметы, относящиеся к категории запрещённых, как то: незарегистрированное холодное и огнестрельное оружие, незаконно сооружённые установки любого рода...

– Это самогонный аппарат, что ли? – перебил профессор. – Не увлекаюсь, знаете ли.

– Прекратите балаган, Онуфриев, – прошипел штатский. – Отойдите в сторону, гражданин. Не хотите добром, придётся по-плохому!

– Ищите, – хладнокровно сказал Николай Михайлович. – Что вы рассчитываете найти? Самиздат? Солженицына? Да, а ордер на обыск у вас имеется? Понятые? Я, как-никак, член Академии наук.

Ввалившиеся в прихожую люди, казалось, несколько замешкались; однако человек с удостоверением нимало не смутился.

– А вы на меня жалобу напишите, уважаемый профессор. – Он усмехался жёстко и уверенно. – Прямо в ЦК и пишите. Копию в Комитет партийного контроля. И лично товарищу Юрию Владимировичу Андропову.

– Напишу, можете не сомневаться, гражданин...

– Полковник Петров, Иван Сергеевич, – слегка поклонился человек с удостоверением.

– Петров. Иван Сергеевич. Так и запишем.

– Запишите, Николай Михайлович. Имя у меня простое, народное. Ну так что, не желаете ли...

– Не желаю, Иван Сергеевич. Уж раз вы такой высокоуполномоченный, что аж самому Юрию Владимировичу предлагаете на вас жаловаться, то сами справляйтесь.

– Сами справимся, не сомневайтесь, – заверил его полковник. Молча кивнул своим людям – те немедленно и сноровисто разбежались по комнатам, не путаясь, не сталкиваясь, не мешая друг другу, как истинные профессионалы.

Николай Михайлович так и остался сидеть у небольшого бюро красного дерева, явно дореволюционной работы, на котором стоял старомодный чёрный телефон, с буквами на диске рядом с отверстиями.

Затопали сапоги и по ступеням подвальной лестницы. Николай Михайлович потянулся, взял остро отточенный карандаш, на листе блокнота принялся набрасывать какие-то формулы.

Полковник Петров откровенно наблюдал за ним, совершенно не скрываясь.

– Ну так где же она? – вкрадчиво осведомился он у профессора.

– Где кто? Моя супруга? Мария Владимировна дома, в Ленинграде.

– Нет, не ваша супруга. Ваша машина.

– Принадлежащая мне автомашинка марки «ГАЗ-21», номерной знак «14–18 лем», находится у ворот гаража. Вы её вроде бы должны были заметить.

– Очень смешно, – фыркнул полковник, нисколько не рассердившись. – Умный же вы человек, гражданин Онуфриев, а дурака валяете.

– Ищите, ищите, за чем приехали – то и ищите, – отвернулся Николай Михайлович.

– Сложный вы объект, гражданин профессор, – покачал головой Иван Сергеевич.

– Какой есть. Иначе б ни званий не заработал, ни орденов, ни премий.

– Нас, Николай Михайлович, очень интересует высокочастотная установка дальней связи, кою вы тут собирали в кустарных условиях, опираясь якобы на некие «идеи Николы Теслы». Тесла, конечно, великий человек и много полезных открытий совершил, но «идеи»-то его – всё полная ерунда!

– И что же? – поднял бровь профессор. – Мало ли что я тут собираю! Или вы меня «несуном» выставить пытаетесь, мол, из лаборатории радиодетали таскаю?

– Так вы подтверждаете? – мигом выпалил полковник.

– Ничего не подтверждаю, всё отрицаю, – сварливо отрезал Николай Михайлович. – Ну, долго вы ещё будете у меня дачу вверх дном переворачивать? На чердаке смотрели? На втором этаже? В подвале? Всюду побывали?

К полковнику Петрову и в самом деле стали возвращаться его люди. Ничего не говорили, даже головами не качали, просто выстраивались у входа.

Человек с удостоверением на имя «Ивана Сергеевича Петрова» поднялся. Взгляд его оставался спокоен, но изрядно отяжелел.

– Значит, будем по-плохому.

– Бить будете? – деловито осведомился Николай Михайлович. – Валяйте. Только ничего вы из меня не выбьете. Нет тут никакой «машины». Ничего вы не нашли. Теперь меня запугать пытаетесь. Ну да, мы-то, люди старшего поколения, мы пуганные, верно. Вот был у меня... гм, знакомец. Красный комиссар Михаил Жадов. Комиссарил на Южном фронте. Вот это был чекист, глыба, матёрый человечище! Метод допроса у него был один – рукояткой «нагана» да по зубам. А если и после этого человек отмалчивался, так комиссар только плечами пожимал да и отправлял к стенке – на виду у других подозреваемых. Все тотчас признаваться начинали, целая контора только и успевала протоколы заполнять...

– Это есть злостная клевета на доблестные органы революционного правопорядка, – ровным бесцветным голосом сказал полковник Петров. – Скажите, от кого вы услышали эти лживые измышления?

– От Миши Изварина, – с готовностью отозвался профессор. – От Изварина Михаила Константиновича.

– Вот как? Что ж, спасибо. Не ожидал, что ответите... Можете не сомневаться, с гражданином Извариным мы проведём профилактическую работу.

– Эх вы. – Николай Михайлович глядел на полковника с непонятной горечью. – Работу они проведут... разве что на том свете. Миша Изварин, мой гимназический товарищ, расстрелян ЧК в Ростове поздней осенью тысяча девятьсот двадцатого года. Думайте ж вы головой хоть чуть-чуть! Иначе всё провалите и всё потеряете. И страну тоже.

Люди в штатском стояли, молчали. Полковник Петров – если он и впрямь был полковником и Петровым – только пожал плечами.

– Не пойму я вас, Николай Михайлович. Установка ваша нас очень волнует, не буду скрывать. Сверхдальняя связь...

– Да не слушаю я эти ваши «вражьи голоса», – опять поморщился профессор. – В чём я с вами, как бы это ни показалось странным, согласен – что у России есть только два союзника, её армия и её флот. Никто за границей нам помогать не стремится. «Огромности нашей бояться», как сказал классик.

– Как это «только два союзника», Николай Михайлович? – с готовностью подхватил разговор полковник. – А как же наши друзья по Варшавскому договору, а как же...

– Вы ещё какую-нибудь «спартакиаду дружественных армий» вспомните, – фыркнул профессор. – Ладно, полковник, – вы нашли, что искали? Нет? И не найдёте. Потому что нет никакой тайной установки, которую я бы тут собирал с намерением передавать шифром за границу секретные сведения, как в детективах про майора Пронина. А если Серёжа Никаноров опять с доносом на меня прибежал, так то дело обычное. Я привык. Да, кстати. Жучки не пытайтесь у меня ставить. Я ж их всё равно найду. И сдам в первый отдел по описи, как в тот раз. Помните?

– Товарищи тогда перестарались, – мягко сказал полковник. – Им было указано на недопустимость подобного рода действий. Виновные понесли наказание.

– Именно. Не на меня аппаратуру свою тратьте, наверняка дефицитную. И, полковник, очень вас прошу – думайте. Головой думайте. Иначе и в самом деле страну про... потеряете.

Полковник Петров помолчал, барабанил пальцами по бюро.

– Вы, Николай Михайлович, человек заслуженный, очень. Страна, родина, партия высоко ценят ваш труд. Очень надеюсь, что вы не совершите никаких... необдуманных поступков.

– А когда я их совершал? – пожал плечами профессор. – Я ж вам не этот блаженный идиотик Сахаров, прости Господи.

– Очень рад, – слегка повеселел полковник, – что мы с вами сходимся в оценке деятельности этого... отщепенца.

– Он не «отщепенец». Он блаженный, и подкаблучник вдобавок, – вздохнул Николай Михайлович. – Физик выдающийся, хотя Зельдовича я ставлю выше. А в остальном... – Он только махнул рукой. – В общем, «поступки» я никакие совершать не собираюсь. А Никаноров пусть пишет заявление о переводе в другой отдел.

Полковник этого словно бы не услышал. Поднялся, сделал короткий знак своим людям.

– Всего вам доброго, Николай Михайлович. И помните – что бы ни вали про организацию, в коей я имею честь нести службу, мы не царские жандармы, не душителю свободы и не церберы. Мы всегда готовы прийти на помощь. И если у вас возникнет какая-нибудь нужда...

– Благодарю, – коротко кивнул Николай Михайлович. – Да, и... аппаратуру вашу приносите. Посмотрим, нельзя ли её покомпактнее сделать. В рамках хоздоговорной тематики.

Полковник только усмехнулся и шагнул за порог.

За ним потянулись и его люди.

Профессор долго сидел неподвижно, только пальцы у него начали трястись всё сильнее и сильнее. Поднялся он уже с немалым трудом, тяжело дыша и держась за сердце, прошаркал ко спуску в подвал. Включил свет.

Тьмы, заливавшей угол, где стоял его аппарат, больше не было.

Машины не было тоже.

Николай Михайлович подрагивающей рукой полез за пазуху, вытащил пузырёк, сунул под язык сразу две таблетки.

И потом ещё долго, очень долго смотрел в тот пустой угол.

Ленинград,

конец мая – начало июня 1972 года

Юлька Маслакова и Игорёк Онуфриев теперь вместе ходили домой из школы. Оно получилось как-то само собой – после того вечера во дворе Игорева дома.

И после того, как она, Юлька, ученица 5-го «а» класса 185-й ленинградской школы, стала причастна настоящей, великой Тайне. Тайне, от которой заходило сердце и прерывалось дыхание. Тайне, о каких Юлька раньше читала только в приключенческих книжках (какие удавалось достать в школьной библиотеке).

И это было здорово. Здорово, как ничто иное. Оно и впрямь заставляло забыть обо всём, ну, почти.

О том, что папа ушёл.

О том, что Юлька с мамой жили в огромной коммуналке (еще восемнадцать соседей, одна уборная, одна ванна), – но в небольшой комнатке всего в двенадцать квадратных метров, разделённой на две части платяными шкапами, – в одной стояли вешалка, обеденный стол со стульями, за которым Юлька обычно и делала уроки, висели хозяйственные полки; в другой, светлой, с двумя окнами были мамин диван, Юлькина узенькая постель в самом углу, книги, швейная машинка, здоровенный кулман – мама часто брала работу домой, денег вечно не хватало – да старенький чёрно-белый телевизор.

В уборную вечно приходилось ждать своей очереди, а в ванну нечего было даже и пытаться прорваться – Юлька с мамой ходили в бани, чего Юлька ужасно стеснялась.

...До окончания пятого класса оставалось всего ничего; последние дни мая выдались тёплыми, лето заманивало, соблазняло, но Юлька более чем хорошо знала – это всё неправда. Стоит начаться каникулам, как сразу же резко похолодает, напоздуют низкие и серые, словно половая тряпка, тучи, начнёт сеять мелкий нудный дождик – словом, «типично ленинградский июнь», как в сердцах говаривала мама. Ни то ни сё. Снова натягивай противные колготы, а то и штаны.

Но сейчас Юлька ни о чём подобном не думала, не вспоминала – словно ножом отрезало. Они с Игорем после уроков, не сговариваясь, как-то сами по себе, рядом, бок о бок, вышли из школы, повернули направо, по Войнова, потом ещё раз направо – на проспект Чернышевского, обратившись спинами к Неве и маячившим на другом берегу её знаменитым Крестам.

По левую руку оставался магазин «Бакалея», ларёк с мороженым (мороженого Юльке очень хотелось, но пятнадцать копеек на «крем-брюле» у неё отсутствовали), пирожковая «Колобок», хлебозавод, где всегда так вкусно пахло – аж слюнки текли.

Можно было поехать на метро, от «Чернышевской» одну остановку до «Площади Ленина», но школьная проездная карточка у Юльки была только на трамвай – потому что на месяц она стоила рубль, а не три, как та, что с метро.

Эх, тоже жалко. Кататься на эскалаторах и вообще под землёй Юлька очень любила.

И потом они с Игорьком шли дальше, мимо сероватого вестибюля станции, туда, где проспект Чернышевского упирался в улицу Салтыкова-Щедрина и где ходили трамваи. Сесть можно было на любой – «семнадцатый», «девятнадцатый» или «двадцать пятый». Они все поворачивали направо по Литейному, шли через Неву, минуя Военно-медицинскую академию; но лучше всего – если повезёт и быстро подойдёт «двадцать пятый». Потому что он, проползая мимо Финляндского вокзала – или «Финбана», как его звали родители и вообще взрослые, – свернёт налево, оставит позади мост через Большую Невку, серую тушу «Авроры», и наконец доберётся до узкого ущелья улицы Куйбышева, что идёт прямо к Петропавловской крепости.

...Им везло. «Двадцать пятый» исправно подходил первым. Ехать на нём было довольно долго, вагон в середине дня почти пустовал, можно было забраться вдвоём на сиденье и наговориться всласть.

И они говорили. Точнее, говорил в основном Игорёк, а Юлька заворожённо слушала.

Слушала про небывалые, невообразимые вещи – про потоки времени и про миры, очень очень похожие на наш. Особенно – про один мир, в котором Пушкин не пал на дуэли, а русский

флот не погиб при Цусиме. Мир, в котором живут brave кадеты Федя Солонов, Петя Ниткин и Костя Нифонтов.

– Игорёха, а что ж... это выходит, что и у нас они тоже есть? Ну, наши Солонов с остальными?

– Может, и есть. А может, и погибли. В Гражданскую или в войну... – Игорёк глядел в окно трамвая, медлительный ленинградский «слон» погромыхивал, осторожно спускаясь по Литейному мосту.

– Они ж старички уже у нас должны быть, – пригорюнилась вдруг Юлька. – Как твой деда...

– Угу. Даже ещё старше.

– Интересно, а найти-то их можно было б?

– Не зна-аю... в Горсправку ж не пойдёшь, верно? Да они могли где угодно оказаться, война знаешь как людей раскидывала?

– Они особенные, – вздохнула Юлька. – Ну совершенно на нас непохожи!

– Вот и моя ба говорит, что мы совсем-совсем другие...

Дом, где жила Юлька, стоял в середине Куйбышева, Игорька – подальше, на самой площади Революции. Не сговариваясь, они доехали до самой Петропавловки и потом медленно, нога за ногу, доплелись до Юлькиной подворотни.

Постояли там. Домой Юльке тащиться не хотелось совершенно. Что у них там сейчас, в их коммуналке? На кухне тётка Петровна опять небось кипятит бельё – она его всё время кипятит, так что пар по всей кухне и штукатурка обваливается, а ей хоть бы хны. Соседка Евгения Львовна наверняка урезонивает своего великовозрастного сынка, который пьёт и больше двух месяцев ни на одной работе не задерживается. Пенсионер Ефим Иваныч, разумеется, как всегда, ругается с пенсионеркой Полиной Ивановной, из-за чего – неведомо, они каждый день бранятся. Наверное, просто от скуки.

И тут Юльку взяла вдруг такая тоска, что, наверное, именно она и зовётся в книжках «недетской». И, наверное, с той тоски она и сказала вслух такое, что девочке говорить ни в коем случае не полагалось:

– Игорёх... а можно к тебе сейчас пойти?

Но Игорёк этому ничуть не удивился.

– А то! Пошли, конечно же! – сказал решительно.

От Юлькиного дома к Игорьковому они почти бежали.

Дверь Игорь отпер своим ключом и с порога завопил радостно:

– Ба! Ба, мы дома! Мы... с Юльк... то есть с Юлей Маслаковой! – Нет, до конца его бравады не хватило, чуток смутился; Юлька же вдруг совсем застыдилась и покраснела. Как это так, явилась домой к мальчику, да ещё и сама напросилась!..

Из кухни появилась бабушка Игорька и, словно ничего иного она никогда и не ожидала, положила обе ладони Юльке на плечи.

– Юленька! Дорогая моя, заходи, заходи. Какая ты молодец, что зашла! Голодная небось? Садись, садись, у нас сегодня пирожки – и с мясом, и с капустой, и с вареньем...

Юлька *была* голодна. Но чем кормили в школе, в рот брать было решительно невозможно. Конечно, мама в таких случаях говорила – «значит, никакая ты не голодная по-настоящему, иначе бы всё съела, как мы в детдоме!».

Тем более пирожки. Пирожки были деликатесом. Мама не пекла – попробуй испеки что-нибудь в коммуналке!

Юлька и глазом моргнуть не успела, а уже оказалась в знакомой гостиной, за накрытым столом, и от запаха пирожков у бедняжки чуть в голове не помутилось.

Пришёл и профессор Николай Михайлович, тоже обрадовался Юльке, стал расспрашивать, как они с мамой, не обижает ли их Никаноров...

Дядя Серёжа, увы, их как раз обижал. Хотя и непонятно за что – последние дни ходил злющий, словно Главный Буржуин из «Мальчиша-Кибальчиша». Кричал на маму. Рывкал на неё, Юльку. Грозил ремнём. Она стала его бояться.

– Он же с вами не живёт, Юлечка?

– Нет, не с нами. У него квартира отдельная, от работы. Нам туда нельзя... – и отчего-то Юльке стало очень, просто ужасно обидно. Мама у неё – из детдома, бабушка с дедушкой в войну погибли, а она всё равно выучилась, инженером стала, проектирует дома, да не простые – экспериментальные, каких ещё никто не строил!..

Мария Владимировна словно поняла, подошла, обняла за плечи.

– Ничего, милая моя. Погоди. Видишь, какие дела-то пошли – судьбы очень многих меняются, глядишь, и вам с мамой повезёт. Не кручинься, девонька.

И как-то так она это сказала, словно и впрямь бабушка, которой у Юльки никогда не было, – и чуть слёзы из глаз не закапали.

А Игорькова бабушка, погладив Юльку лишний раз по макушке, вдруг взялась за телефон – и оказалось, что звонила она не куда-то, а маме на работу:

– Инженера Маслакову, пожалуйста. Марина Сергеевна? Это Онуфриева, бабушка Игоря... нет-нет, всё хорошо. Всё в порядке. Я только вам сказать хотела, что Юлечка тут к нам в гости зашла, чай пьёт. Она тут у нас немного побудет, ведь можно?.. Да, не волнуйтесь, я лично проконтролирую. Конечно, звоните в любой момент. Вы же наш номер знаете?.. Вот и прекрасно. Да не за что, дорогая, не за что. До свидания.

И так хорошо, так покойно стало Юльке в этой большой, тихой, уютной квартире со старинной тёмной мебелью, с книгами, что занимали почти все стены, и так не захотелось отсюда уходить!..

Словно это место и было её настоящим домом, а там, в коммуналке, – только их «полевой лагерь», как мама говорила.

В общем, сперва Юлька пила чай, уничтожая пирожки, кои Мария Владимировна незаметно ей подсовывала и подсовывала; потом они с Игорем долго сидели в его комнате, сделав уроки – их, правда, задали немного, конец года, как-никак, – и лишь в долгих-долгих белых сумерках ленинградского мая Игорёк пошёл её провожать.

И стоило им спуститься, как он вдруг густо покраснел и через силу выдавил, неловко протягивая руку:

– Ты это... портфель-то давай... донесу.

Портфель и впрямь заметно потяжелел, потому что там обосновался солидный пакет с пирожками.

И Юлька тоже покраснела. Ещё ни один мальчик ей донести портфель не предлагал. Но – слабым голоском пискнула сдавленное «спасибо...» и так же неловко и неуклюже пихнула в руку Игорю свою ношу.

...А потом события пошли ещё быстрее.

Несколько дней спустя, когда школа совсем уже заканчивалась и Юлька уже с тоской думала, что впереди – нескончаемое лето, когда все подружки разъедутся кто куда, а она, Юлька Маслакова, будет чуть не до самого августа торчать в городе (путёвка в пионерлагерь маме досталась только на короткую третью смену), мама вернулась домой очень расстроенная. Глаза уже красные. Плакала.

Юлька вся аж сжалась.

Мама бросила сумку на диван и сама на него почти что рухнула. Оказалось, что к ним в институт пришла какая-то «разнарядка»: отправить сколько-то человек аж на Чукотку. На целых два года. Можно было хорошо заработать, но самое главное – встать на ту самую «очередь» и почти сразу купить кооперативную квартиру, для чего и требовались деньги. Но...

– Твой... отец... сказал, что не сможет тебя взять. – Мама комкала уже изрядно мокрый платочек. – У него – ты знаешь... т-тётя Римма... твои... младшие... б-брат и сестра... Он отказался. А больше у нас никого и нет...

– А дядя Серёжа? – выдохнула Юлька.

– Дяде Серёже я тебя и сама не доверю, – опустила голову мама. С Юлькой она сейчас говорила совершенно по-взрослому.

Да, больше у них никого не было. Тот же дядя Серёжа – не родной дядя, а двоюродный.

Мама ужасно расстроилась. И полночи плакала – стараясь только, чтобы Юлька не услышала. Но Юлька всё равно слышала – потому что тоже лежала без сна, с открытыми глазами, только отвернувшись к стене.

В школе Игорёк, само собой, заметил, что с ней что-то стряслось. А выслушав, твёрдо сказал:

– Вот что, идём-ка к нам. Ба непременно что-нибудь придумает. Она знаешь какая умная?..

– Да что ж тут придумаешь? – хлюпнула Юлька носом.

– Увидишь! – непреклонно заявил Игорёк.

...И точно – бабушка Мария Владимировна, выслушав сбивчивый Юлькин рассказ, то и дело перемежавшийся всхлипываниями, загадочно улыбнулась, сказала: «Погоди чуть-чуть» – и вышла.

Юлька слышала, как взрослые вполголоса обсуждают что-то за дверьми, а потом и бабушка Игоря, и его дедушка зашли разом.

– Вот что, Юлечка, мы тут подумали...

– И решили...

– Почему бы тебе, милая, не пожить тут, у нас?

У Игорька отвалилась челюсть. У Юльки тоже.

– Отчего ж такое изумление? – Бабушка подняла бровь. – Свободная комната у нас есть – будет твоя. Лето наступает, поедem на дачу, там места ещё больше; ребят хватает, есть с кем побегать-погонять.

– А с досточтимой Мариной Сергеевной мы договоримся, – закончил Игорев дед.

– Но только если ты сама хочешь, – улыбнулась Мария Владимировна.

Юлька не узнала собственного голоса, которым выдавила:

– Д-да... о-очень хочу...

И едва не забыла сказать «спасибо».

Мама, конечно, чуть не упала в обморок. Конечно, с Игорьком Юлька училась с первого класса, с бабушкой и дедушкой его мама сталкивалась на родительских собраниях – но, когда они оба явились к ним в коммуналку, Юлька даже испугалась, что с мамой случится удар.

Мария Владимировна прошествовала через коммунальную кухню, словно линкор мимо вражеских батарей. Надвинулась на Петровну с её бельём, молча достала какую-то красную книжечку удостоверения, ткнула ею Петровне в нос, отчего та вдруг икнула и кинулась гасить газ под своими чанами.

Николай Михайлович, облачившийся в идеальный костюм, казался человеком совершенно иного мира. Чем-то он вдруг напомнил Юльке артистов, что играли белых офицеров в фильмах про революцию. И сына Евгении Львовны, сунувшегося было наперерез и принявшего клянчить рубль, он молча задвинул в стенной шкаф, да так, что сынок этот даже и не пикнул.

Пенсионеры Ефим Иванович с Полиной Ивановой тоже перестали ругаться и только что за руки не схватились, словно испуганные дети.

Мама металась по их комнатёнке, как птица по клетке. То садилась, то вскакивала. Стискивала руки, мало что не выламывала сама себе пальцы.

– Да, но... всё-таки чужие люди... простите...

– А в войну разве чужие люди друг друга не выручали, Мариночка?.. И меня выручали, и Николай моего Михайловича, не раз, не два, не три. Пойдёмте к нам, квартиру глянете, комнату, что мы Юле приготовили...

– Комнату? Ю-юле – отдельную к-комнату?

– И запирающуюся изнутри! – со значением сказала бабушка. – Засов поставили – слона сдержит, если вы беспокоитесь...

– Но... как же так...

– Милая Марина. Мы люди не бедные, прямо скажем. Места у нас много. Юлю мы знаем – с самой лучшей стороны. Так почему же нам не предложить вам помощь, как у русских людей положено? Когда я девочкой была, до революции, такие вещи были совершенно обычны. Помочь знакомым, оказавшимся в затруднении, – ни у кого никогда не возникало ни сомнений, ни колебаний. Уж сколько и у нас моих подруг гимназических живало, и я у скольких гостевала! Теперь уж и не упомнить. А уж что ни лето – либо к нам кто-то приезжал, либо я к кому-то. И никого это не удивляло. Люди всегда люди.

– «Квартирный вопрос их только испортил», как Воланд говаривал, – вставил Николай Михайлович.

...Конечно, мама согласилась далеко не сразу. Но – согласилась.

...Несмотря на гнев дяди Серёжи.

...Потом был аэропорт, и слёзы прощания, и обещания писать.

...А ещё потом школа кончилась и настало лето.

И Юлька Маслакова оказалась вместе с Игорьком у него на даче.

Это, наверное, и есть тот рай, про который в книжках пишут, думала Юлька, глядя на густые сосны, на убегающую к пляжу тропинку через лес.

Точно рай, твердила она, познакомившись с приятелями Игорька и вместе с ними стогая на велосипедах к станции – в мороженицу.

Ну да, рай, и ничто иное, убеждалась она, стоя на пороге небольшой уютной комнатки в мезонине – *её собственной*.

...Но самое главное случилось, когда Игорёк, разом посерьёзнев, повёл Юльку в подвал.

Он начал было что-то рассказывать, но Юлька его прервала:

– погоди! Вот тут ведь машина была?

Игорёк осёкся, взглянул удивлённо:

– Ага. Откуда знаешь?

– Чую, – сквозь зубы ответила Юлька. – Туда шагну – руки покалывать начинает, ну, словно затекло... или как ток...

– Очень интересно! – раздался сверху голос Николая Михайловича. – Юленька, милая, продолжай. Скажи, что ещё чувствуешь?

Юлька чувствовала. Голова слегка кружилась, покалывало кончики пальцев – и она смогла точно показать, где именно стоял аппарат и даже где пролегалла граница той непроницаемой чёрной сферы, что поглотила «гостей».

Ба и деда (а Юлька как-то уже сама стала их так звать, даже не особо задумываясь, настолько естественно это вышло) очень серьёзно её расспрашивали, всё записали, хвалили – так, что Игорёк, кажется, даже стал завидовать.

– Как интересно! – восторгался Николай Михайлович. – Тесла упоминал подобный эффект.

...А ещё потом стоило Юльке закрыть глаза, как...

Они шли с мамой под руку, и это был... это был Большой проспект Петроградской стороны, только какой-то... незнакомый. Куда больше магазинов, а вывески на них отчего-то со старорежимными ятями и с твердыми знаками на концах слов, и они куда ярче. Машин больше, да ещё и машин незнакомых; нет, «москвичи» тоже есть, но совсем другие; а ещё и совсем невиданные – «руссо-балты», и ещё какие-то.

И на маме был строгий, но очень нарядный брючный костюм и туфли-лодочки, какие Юлька видела только на директрисе, да и на ней самой, Юльке, – не какое-нибудь застиранное платьице да поношенные сандалеты, а стильные «бермуды», кофточка и элегантные босоножки, от которых слопала бы собственную промокашку Машка Миценгендлер, первая модница класса.

И они с мамой шли нанимать новую квартиру. Новую, потому что мама только что получила новую работу, в новом архитектурном бюро, руководителем группы, как она гордо повторяла Юльке, и теперь они смогут позволить себе куда лучшее жильё, а Юлька пойдёт в хорошую гимназию.

– Твой отец прислал письмо, – как бы между прочим уронила мама. – Пишет, что раскаивается, что очень виноват перед нами и простить этого себе не может...

Юльке вдруг стало грустно, она поняла, что и *тут* папа не с ними, но...

– Он очень раскаивается. Пишет, что... что расстался с *той* женщиной, что дела у него идут хорошо, но якобы без нас для него нет жизни... – и мамин голос дрогнул.

Глава 1

*Варшавская железная дорога,
29 октября 1914 года*

Федя Солонов лежал на операционном столе. Стол подрагивал, покачивался, как и пол, и стены, и потолок, – потому что хирургический вагон в составе специального санитарного поезда шёл на юг, прочь от Петербурга. Шёл вместе с императорским, двумя товарными, двумя пассажирскими и ещё одним боевым бронепоездом.

Все, кто вырвались из столицы.

По пути число их росло. Разрозненные отряды гвардии, столичной полиции, добровольцев, просто верных – и солдат, и офицеров, и жандармов, и дворников, «и пахарей, и кустарей, и великих князей», как говорится.

Правда, с великими князьями вышла незадача – многие разбежались кто куда, попрятались, многие так и остались в столице с новой властью, кто забился в щель по пригородным резиденциям, в Царском Селе, в Павловске, кто, по слухам, удрал аж за Териоки.

А остальные, все, кто мог, стягивались к тонкой ниточке Варшавской железной дороги.

Остался позади Дудергоф. Забрали младшие роты Александровского корпуса; конечно, лучше всего было б распустить мальчишек по домам – и кого-то даже отдали родителям, особенно из местных, но у большинства-то семьи отнюдь не в столице и даже не в окрестностях!..

Ничего этого кадет-вице-фельдфебель Солонов не знал и не видел.

Лишившись сознания после удара шальной пулей в тамбуре, он пришёл в себя лишь ненадолго, только чтобы увидеть склонившееся над ним иконописное девичье лицо в косынке сестры милосердия, лицо, показавшееся сквозь туман боли и шока странно-знакомым, – а потом вновь впал в забытье.

За миг до того, как на лицо ему легла эфирная маска.

– Прошу вас, коллега, Евгений Сергеевич. Будете мне ассистировать, больше некому. Знаю, что вы не хирург, голубчик, но...

– Обижаете, милостивый государь Иван Христофорович. Я, как-никак, всю японскую прошёл. Как ассистировать при проникающих ранениях брюшной полости, знаю.

– Иван Христофорович... я ведь тоже могу...

– Вы, конечно, тоже можете, Ваше Императорское Высочество, но операция очень сложная. Нельзя терять ни минуты, может начаться сепсис. Необходимо будет начать вливание Penicillin-Lösung, Ваше Импе...

– Татьяна, милый Иван Христофорович. Просто Татьяна. Я ведь вам во внучки гожусь.

– Ах, госпожа моя Татьяна свет Николаевна!.. Не будем спорить. За дело, Mesdames et Messieurs!..

Ничего этого Фёдор, конечно, не слышал. И ничего не чувствовал.

Две Мишени не уходил с передней пушечной площадки бронепоезда. Составы ползли медленно, несколько станций по пути к Гатчино оказались полностью покинуты (буфеты, разумеется, разграблены): сбежали все, вплоть до последнего обходчика или смазчика. Приходилось задерживаться и проверять каждую стрелку – многие были переведены так, что заводили в тупики.

Офицеры, не гнушаясь чёрной работы, грузили уголь из покинутых складов. К счастью, работали водокачки, и паровозы жадно присасывались котлами к коротким раструбам шлангов.

Вагон-канцелярию в императорском поезде заполнял дым папирос. Яростно трещали все четыре «ундервуда», на походном прессе размножались Манифест, который ещё лишь предстояло предать гласности, воззвания и объявления. Место прислуги и свитских заняли военные – и гвардейские, и армейцы, даже несколько флотских.

Германские добровольцы меж тем втянулись в оставленный на поругание Петербург. Временное собрание торжествовало победу; Кронштадт, форты и береговые батареи вместе с большинством боевых кораблей предались новой власти.

Однако то, что Две Мишени успел услышать от других, вырвавшихся из города, то, что случайно оказалось у них и что теперь лежало в его карманах, говорило, что к решающему броску готовится совсем иная сила.

Петросовет.

Уже всюду шло брожение в полках и эскадронах, в экипажах и в запасных батальонах. У рядовых и у матросов перед глазами оказывались отлично напечатанные, яркие, броские листовки – эсдеки не дремали, развернув бешеную деятельность. У них в достатке нашлось и типографий, и бумаги, и денег, и транспорта – вся округа оказалась засыпана их агитацией.

«Товарищи солдаты и матросы! Пробить часъ нашего освобожденія! Долой кровавый царскій режимъ, долой прогнившее самодержавіе! Долой и презрѣнную клику министровъ-капиталистовъ, которые ничѣмъ не лучше!.. Да здравствуетъ социалистическая революція!.. Не будетъ жадныхъ и глупыхъ буржуевъ, обирающихъ простой народъ! Не будетъ толстосумовъ-купцовъ, кулаковъ-міроѣдовъ, жирныхъ поповъ, торгующихъ опиумомъ для народа!.. Наши цѣли просты и ясны каждому:

Землю – крестьянамъ!

Фабрики и заводы – рабочимъ!

Всю власть – Совѣтамъ!

Страну – трудовому народу!..»

Простые слова и знакомые. Но били они прямо в цель... как и *там*, в другом семнадцатом...

«Почему насъ зовутъ большевиками? Потому, что мы – за большинство народа, и потому, что большинство народа за насъ!.. Никто не дастъ крестьянину земли, никто не дастъ рабочему заводъ – кромѣ насъ!.. Мы одни рѣшительно порываемъ со старымъ міромъ, міромъ зла, крови и несправедливостей, гдѣ бѣдному челоѣку доставались однѣ кости!.. Мы одни говоримъ – землю дѣлить по справедливости, по числу ѣдоковъ! Міроѣдовъ-кулаковъ – вонъ изъ нашихъ сѣлъ! Кулачье – раскулачить! Дома ихъ, скотину, инвентарь – бѣднѣйшему трудовому крестьянству!.. Братья-бѣдняки, поднимайтесь, создавайте комитеты деревенской бѣдноты – комбеды, берите власть, гоните кровопійцъ изъ деревень въ шею!..»

Что делать? Пока ещё поезда продолжают движение, рвутся на юг; но, само собой, телеграф им не обогнать. Скоро, совсем скоро захватившие власть в Петербурге отдадут соответствующие приказы; тот же Гучков, к примеру. Ни мужества, ни решительности ему не занимать; какие-то полки могут и выполнить приказ «законного правительства из состава депутатов Государственной Думы». И тогда останется только пробиваться с боем, но, опять же, – куда?

Как в *той* реальности, уходить на Дон, на Кубань, надеясь на казаков, на богатые села Тавриды и Новороссии? На рабочих Юзовки и Донбасса, хорошо зарабатывавших, имевших собственные дома, никак не похожих на «пролетариев», которым «нечего терять, кроме их цепей»?..

Но *там* это не кончилось ничем хорошим. Казаки «устали от войны» и не хотели уходить далеко с родного Дону; в селах Причерноморья, где, как говорится, «оглоблю воткни – телега вырастет», хватало тех, кому глаза жёг достаток соседа; и офицеры, дававшие присягу Государю, предпочитали сперва отсиживаться по квартирам, а потом покорно отправиться на службу к большевикам – кто из страха, кто за паёк, а кто и из надежды скакнуть в первые из последних.

Но у них не было Императора. Быть может, Его воззвания сумеют пробудить общество? Привлечь всех верных к Его знамени? Ведь *тогда и там* смута случилась на третий год тяжёлой войны, где врага только-только удалось остановить и лишь кое-где оттолкнуть назад. Вот интересно было б рассказать Алексею Алексеевичу⁹ о прорыве, названном его именем...

Может, здесь и сейчас всё окажется по-иному? Не выбито кадровое офицерство; цел (хочется верить) гвардейский корпус, хоть и изрядно рассеян; и немцы не занимают полстраны, как по тому «похабному Брестскому миру»; пока – одну лишь столицу да железные дороги к ней от Риги и Ревеля.

Так отчего же он, полковник Аристов, в такой меланхолии? Ничего ещё не проиграно; напротив, они одержали победу, вырвались из обречённой столицы, спасли Государя – да иному офицеру этого б на всю жизнь хватило!..

Или оттого ты мрачен, любезный друг Константин Сергеевич, что рядом нет с тобой некоей прекрасной дамы, с которой ты так и не набрался храбрости объясниться?

Оттого, что она – неведомо где? Что ваш последний разговор... был совсем не таким, как тебе хотелось бы?

Нет, сказал себе он. Об этом я сейчас думать не буду. Приказываю себе не думать и запрещаю думать. Нам надо просто выжить, просто прорваться...

Две Мишени зло стукнул кулаком по броне. Да нет же, нет! «Просто выжить» не получится! Как не получилось у героев Ледового похода в *той* реальности. Почему *там* победили их нынешние противники? Не только лишь потому, что были чудовищно, непредставимо жестоки. Жестоки, как жестока может быть только машина, холодная и бесчувственная. Это, конечно, сыграло свою роль – Константин Сергеевич думал о тех заложниках из офицерских семей, коими обеспечивались верность и усердие «военспецов», как он успел вычитать в библиотеке профессора Онуфриева. Но – не только, отнюдь не только.

Их идея, признавался он себе, проста и привлекательна. Долой старый мир, всё отнимем и поделим, по справедливости, кто не работает, тот не ест. Верно – почему буржую нужна квартира в десять комнат, а рабочий зачастую ютится угловым жильцом?..

Тут, конечно, можно было пуститься в долгие рассуждения, что по углам приходилось жить лишь самым бедным и молодым, не умеющим многого молодым рабочим, что спустя полгода-год на столичных заводах они уже снимали кто комнату, а кто и целую квартиру, пусть даже и простую, – но дело-то было в том, что большевики предложили доступное и понятное. Не какую-то учёную заумь, нет. И в этой простоте крылась страшная, убийственная сила.

Всё отобрать и поделить. По-честному, по справедливости. А где она, справедливость?

– Ваше высокоблагородие, господин полковник, разрешите обратиться?

Так, это что такое? Кадет Пётр Ниткин, собственной персоной!

– Обращайтесь, кадет. И можно без высокоблагородий.

– Солонов, Фёдор... Фёдя... как он, Константин Сергеевич?

Переживает за друга, понятно.

– Рана тяжёлая, Петя, не скрою. Но Фёдора прооперировали. И ты знаешь, кто ассистировал? Сама великая княжна Татьяна Николаевна!

---

⁹ А. А. Брусилов (1853–1926) – в нашей реальности русский военачальник, во время Первой мировой войны, в 1916 году, провёл успешную наступательную операцию под городом Луцк (так называемый Брусиловский прорыв). С 1920 года – в РККА.

Петя Ниткин округлил глаза.

– Да-да. Внучка Государя. Не гнушается. Семнадцать лет всего, а уже сестра милосердия. Когда только успела научиться! Так что, Пётр, будем уповать на Господа и на чудеса современной медицины. Тот самый пенициллин, например.

– При пулевом ранении в живот он не поможет. – Ниткин опустил голову.

– Частично может помочь. Предотвратить сепсис, насколько я понимаю. Но – не бойтесь, кадет Ниткин. Не к лицу это александровцу!

– Я не боюсь, Константин Сергеевич, – очень серьёзно сказал Пётр. – Я просто размышлял... как сделать так, чтобы не вышло – как *там*...

Вот только с кадетом Ниткиным и мог полковник Аристов поговорить об их самой великой тайне.

– Я тоже думал, Петя. Или мы предложим что-то своё, иное, лучше, чем у большевиков...

– А вы тоже считаете, Константин Сергеевич, что они и у нас власть возьмут? Ну, как *там*?

– Возьмут, – с мрачной убеждённостью сказал Две Мишени.

– А как же немцы?

– Немцев мало. Если поднять весь Питер, все рабочие окраины, да все запасные полки, что изменили присяге, да всю чернь с городского дна... Нет, Петя, не удержаться «временным». Даже с германской помощью. А большевики – ты сам знаешь, с народом говорить они умеют. «Временные» – нет. И потому, сильно подозреваю, очень скоро в Таврическом дворце окажутся уже совсем другие хозяева.

– Но что же делать? – совсем по-детски спросил Петя. – Что же будет? Как... как у *тех*?

– У *тех* не было Государя, – повторил вслух свою мысль Две Мишени. – А у нас он есть.

Петя Ниткин молчал. Нехорошо так молчал, убито.

– Государь – это... это не всё, Константин Сергеевич, – словно равному, сказал он. – Если я чего-то и понял – и *оттуда*, и из того, что творится у нас, – без идеи нельзя. А у нас какая идея? За что стоим?

– За веру, царя и Отечество, – спокойно и без малейших раздумий ответил Аристов. – Петя, мы с тобой были *там*. Мы видели, как оно. Веры нет. Нет Государя. Ты видел у нас плакаты – «Его Величество – наш рулевой»? «Народ и Государь едины»?

– У нас верноподданические адреса пишут, – тихо, но убеждённо возразил Петя Ниткин.

– Адреса – это не плакаты, – с такой же убеждённостью покачал головой полковник. – Адрес – это почти что личное послание...

– А Отечество как же? Мы-то знаем, как *они* за него сражались. Дай нам Господь всем так сражаться в последний наш час...

– Вот и мы сражаемся за Отечество, Пётр. И у нас есть интервенты, на нашу землю явившиеся.

– Немцы уйдут, что делать станем? – не соглашался Петя. – Что против этого – «земля крестьянам, фабрики рабочим»?

– Так ведь враньё же это, кадет.

– Враньё, Константин Сергеевич. Но в него же сейчас верят. И потому против нас идут. Те же армейские полки – кто разбежался, а кто и против выступил, как волынцы.

Аристов недовольно поморщился, отворачиваясь. Почти его собственным мыслям отвечал кадет Ниткин, и ответы получались ой какие нерадостные.

– Вы знаете, Константин Сергеевич... я вот думал, думал... только вы простите меня...

– Говорите, кадет. Всё, что скажете, останется строго меж нами.

– Я вот думаю... вы не сочтите меня трусом или предателем каким, я... присяга... – Петя Ниткин страшно волновался, частил и сбивался – он, первый ученик возраста! – Может, что Государь с нами – оно и хорошо, и плохо...

– Плохо? Это как? Это вы о чём, кадет?

– Ой, Константин Сергеевич, да я... ну, я... я к тому, что землю-то и впрямь дать надо... и чтобы хозяева рабочих не тиранили...

– А Государь, значит, может не допустить принятия таких законов, да, кадет? Вы к тому?..

Даже в темноте бронеплощадки можно было разглядеть, как мучительно покраснел Петя Ниткин.

– Не Государь. А те, что вокруг него. Привыкли, что оно всё так, как есть, и ничего менять не надо. Что смутьянов можно силой оружия принудить. Может, мы и принудим – хотя *тем* не удалось, а что потом?

– Уж не записались ли вы, кадет Ниткин, в большевики?

Две Мишени знал, что это не так. И сердился он сейчас не на кадета Ниткина, а на самого себя – что не было у него простых и ясных ответов на все эти вопросы.

– Упаси, Господи, спаси и сохрани, Царица Небесная! – Петя несколько раз истово перекрестился. – Я присяге до гроба верен буду, ваше высокоблагородие!

– Прости, Петя, – совсем не по-военному вздохнул полковник. Словно был кадет Ниткин если не сыном, то самое меньшее – племянником. – Сам о том же думаю, голову почти сломал. Только молитва и помогает. На Господа уповаю. Но и нам плошать не след.

– Вот и я про то же, Константин Сергеевич. Коль не придумаем что-то своё, да хотя бы... хотя бы то же «земля крестьянам!» – и не в самом конце, как *там*, когда уже ничего было не изменить, а сейчас, немедленно. Эх, манифест бы государев сейчас...

– Тебе б, Петя, в Государственном Совете заседать, – кивнул полковник. – Конечно, я буду говорить... с кем смогу. Но мы, как ты знаешь, остались без генерала, Немировский тяжело ранен, не смогли мы его вывезти, а без него... я в свиту государеву не вхож.

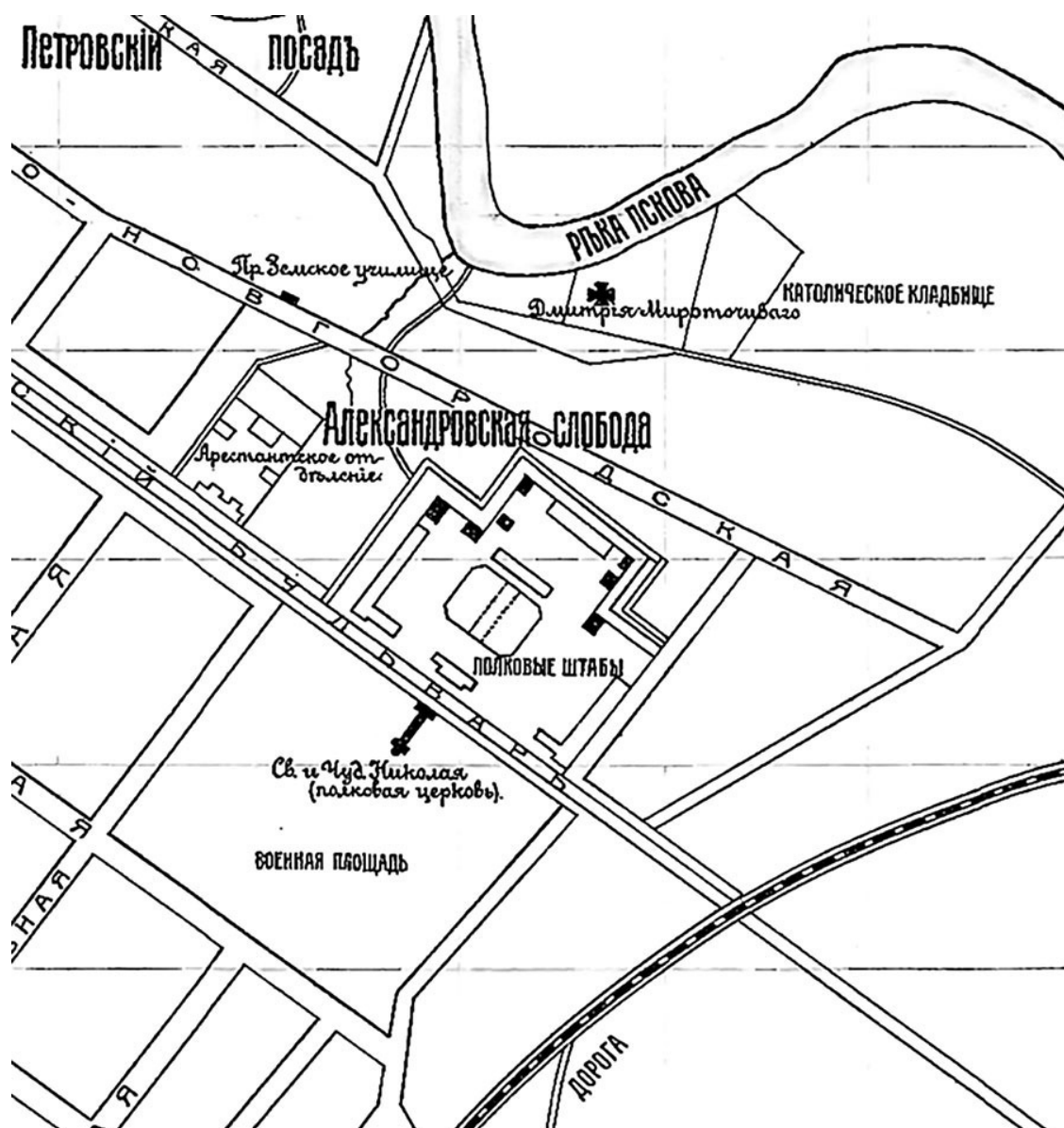
– Но надо войти, Константин Сергеевич! Вы ж государя из заключения освободили!

Две Мишени только дернул щекой.

– Сроду подобным не козырял!..

– А теперь надо! Надо! – Петя Ниткин сжал кулаки, и Аристов вдруг подумал, как это должно выглядеть со стороны: безусый кадет указывает, что делать, ему, боевому полковнику, георгиевскому кавалеру!..

– Надо значит надо, Петя. Будем стараться и добьёмся. – Две Мишени постарался, чтобы голос его звучал как можно увереннее. – А теперь – где там наша славная первая рота?..

Карта г. Пскова, 1890 г. (фрагмент).

Первая рота почти полностью занимала бронепоезд. Прислуги на нём осталось всего ничего – даже те сверхсрочники, на коих надеялся командир, поручик Котляревский, за время петербургской замятни разбежались кто куда.

В штабном вагоне офицеры-александровцы с частью присоединившихся к ним армейцев и гвардейских до рези в глазах вглядывались в расстеленную карту, освещённую тусклой сорокасвечевой лампочкой.

- Псков. Самое главное – Псков пройти... – слышались голоса.
- А там немцы.
- Город брать придётся.
- А может, на Бологое удастся проскочить, господа? На Бологое и – в Первопрестольную...
- Немчура бологоевский ход первым перекроет. Не считайте неприятеля глупым, поручик.
- Никто и не считает. Но сколько у них гарнизон в этом Пскове? Не дивизия, не бригада и даже не полк. В лучшем случае – батальон, и без тяжёлой артиллерии.
- Нам и батальона хватит, господа. – Две Мишени тоже склонился над картой.

– Что же вы предлагаете, Константин Сергеевич?

– Остановиться в Торошино. Взять станцию – думаю, это полегче будет, чем весь Псков. Выслать разведку. Осмотреться.

– И ждать, пока немчура с «временными» все рельсы разберут? Полноте, господин полковник, да вы ли это? Где лихость, где внезапность, где...

– В нашем попечении – Государь, господа, если вы забыли.

Наступила внезапная тишина, только колёса тук-тук по стыкам, словно кости стучали.

Наступал ноябрь.

А железная дорога от Пскова на Петербург, обычно изрядно загруженная, сейчас словно вымерла. Точно неведомая рука разом отключила семафоры, умертвила телеграф и заставила попрятаться все живые души. Две Мишени стоял и думал, что достаточно будет пустить навстречу их бронепоезду самый обычный паровоз – и всё. Дорога будет намертво заблокирована. Хорошо бы разжиться в путевых мастерских хоть каким краном на платформе, взять с собой – путь до Юга не близок. И запас рельсов, запас шпал...

Константин Сергеевич вспоминал – только на сей раз уже не Маньчжурию, не Ляоян с Мукденом, но тихий майский вечер в городе Ленинграде (хорошее название, звонкое, если не помнить, в честь *кого* дадено) и профессора в кресле напротив.

– Мы уходили тогда в полную неизвестность. Жалкая горстка под громким названием – «Добровольческая армия», подумать только! Четыре тысячи, «армия» численностью чуть больше полнокровного полка! Из них четверть – вольноопределяющиеся, добровольцы из старших гимназистов, юнкера, кадеты!.. Мы отступали в степь, а в Ростове оставались, подумать только, пятнадцать тысяч пребывавших «на отдыхе» офицеров, не пожелавших присоединиться к нам!..

– Но почему же?.. – не удержался тогда Две Мишени.

Профессор отвёл взгляд.

– Очень многие сочувствовали большевикам. Думали, они и в самом деле за народ, за правду, за справедливость. Временное правительство показало себя абсолютно некомпетентным. Люди прятались от суровой правды жизни, старались не замечать ничего, что противоречило бы этим глупым надеждам, – вот всё каким-то образом устроится, успокоится, образуется... Хотя к тому времени большевики уже успели многое. Но, будем справедливы, ещё не развернулись в полную силу. И люди, уставшие от войны, надеялись и верили, что беда пройдет стороной.

– А она не прошла...

– Не прошла, Константин Сергеевич. Красные – большевики – взяли Ростов, все его запасы, и боеприпасы, и обмундирование, и вооружение, и медикаменты – всё, что мы, игравшие в благородство идиоты, даже не потрудились уничтожить. Подумать только, ведь и золото не вывезли из ростовского банка. Ну не идиоты ли, Константин Сергеевич, дорогой?

– Вы верили в лучшее, Николай Михайлович.

– Верили... Но оказалось, что ни идеалы наши, ни благородство, ни вера не нужны России. Россия хотела отнимать и делить. Отнимать и делить. Крестьяне жгли усадьбы давным-давно лишившихся земли «бар», хотя дома эти прекрасно послужили бы и новым хозяевам. Словно нечистый, прости, Господи, в единый миг ввёл в искушение огромный народ... Извините меня, подполковник, годы, горькие, несмотря на материальный комфорт, сделали из меня старого брюзгу... – И профессор махнул рукой. – Но вы меня всё-таки послушайте, послушайте, потому что – я не сомневаюсь, увы, – что и вам выпадет ваш собственный Ледяной поход. Могу лишь молиться, что вы избегнете того, что выпало на нашу участь...

У нас тоже поход, но пока ещё не Ледяной, мрачно думал Аристов. Нас хоть и не сильно больше, но кадровое офицерство не выбито тремя с половиной годами мировой бойни. Солдаты не устали сидеть в окопах... Стоп. Если они «не устали», то почему же запасники, при-

званные на сборы, так дружно поднялись? Если рабочие получали неплохое жалованье, то откуда взялись десятки тысяч красногвардейцев? Почему восстал Волынский полк? Почему мятеж так легко охватил балтийских матросов?

Он искал ответы и не находил. Неужто всё настолько плохо в великой Империи, что путь для неё – только один, умереть, истекая кровью, похоронив под своими обломками сотни и сотни тысяч, миллионы жертв грядущей Гражданской войны?..

Холодная броня высасывала тепло. Бронепоезд крался сквозь ночь, не мчался, не летел, а именно крался от станции к станции, и за каждым поворотом их могла ожидать засада.

К тому же, кто бы ни хозяйничал сейчас в столице, он не мог не заметить похищение императора.

Сколько им ещё удастся вот так отступать?

И в какую преграду они упрутся?..

– Ступайте спать, Константин Сергеевич. Ей-богу, ну что себя так изводить? Вы с вашей командой и так сделали столько, что на всю жизнь хватит. Государя спасли!..

Полковник Яковлев, начальник четвёртой роты александровских кадет.

– Спасибо, Семён Ильич, да только какой уж тут сон!

– Утром нам станцию брать. Я-то вот прикорнул вполглаза и теперь хоть куда. – Яковлев улыбался, но тоже устало. – Полку свою вам передаю. Поспите. Случится что – нас разбудят, не волнуйтесь. И кадет своих спать гоните. Нам завтра каждый штык потребуется, каждый ствол.

– Думаете, Семён Ильич, встретят нас?

– Наверняка встретят. Германец не дурак. Я-то на его месте и рельсы бы разобрал для верности.

– Вот и я боюсь, что разберут.

– А тогда и придётся Псков брать по всем правилам военного искусства.

– Не приведи Господь! – Две Мишени перекрестился.

– Да уж, «не приведи»... как вспомню Маньчжурию, там же любую фанзу китайскую, где япошки пулемёт поставили, приходилось до основания артиллерией сносить, чтобы вперёд продвинуться...

– В крайнем случае поезда придётся бросить и пешим порядком уходить.

– Господь с тобой, Константин Сергеевич! Какое ж «бросить»! У нас ведь немалая часть сокровищ Госбанка в императорском поезде! Всё, что успели спасти!

– Да знаю, знаю, Семён Ильич. Просто рассматриваю все варианты.

– Вариант один, – отрубил Яковлев. – Собрать весь подвижной состав, какой только сможем. Вывозить огнеприпасы, фураж, провиант. Чтобы поездов в нашей команде стало бы не семь, как сейчас, а двадцать семь. Или тридцать семь. Железнодорожная армия!.. Тогда и города сможем брать, и даже разобранные рельсы нас не остановят!

– Смело, Семён Ильич.

– Не вы ли, Константин Сергеевич, нам всем твердили о необходимости захвата и удержания инициативы?

– Если в каждом городе к нам будет присоединяться хотя бы по роте...

– Будет, непременно, – убеждённо бросил Яковлев. – Дурман мятежа пройдёт. Вспомните пятый год, Константин Сергеевич, московский бунт. И тут справимся. Я вообще полагаю, что дальше Москвы отступать нам не придётся. Первопрестольная не подведёт, она останется верна присяге!..

– В пятом-то не слишком осталась...

– Так то ж кучка смутьянов была, – отмахнулся Яковлев. – Двух батальонов на них на всех и хватило.

– Кучка-то она кучка...

– Да и изменилась Москва-то с тех пор! – Семён Ильич словно старался убедить не только Аристову, но и себя самого. – Тогда... оно и впрямь... заводчики иные от жадности голову потеряли, парижских роскошеств возжелав... А теперь-то!.. Рабочие законы, фабричные инспекции...

Две Мишени не стал спорить. Не время сейчас – лучше и впрямь поспать хоть немного. Псков брать придётся, он уже не сомневался. И хорошо, если это окажутся только немцы, а не всё впавшее в смуту население города.

«Всё не поднимется, – думал он, устраиваясь на жёсткой полке, уступленной ему Яковлевым, и накрываясь шинелью. – Достаточно будет относительно небольшой части, убеждённой и вооружённой. Там юнкера сопротивлялись неделю. И, опять же, поддержали их, увы, далеко не все офицеры, случившиеся тогда в Москве...»

Никто не хотел. И «ну никто же не мог подумать...»

А надо думать. Надо сразу же думать о самом плохом, что может случиться. Что в людях сыграет наихудшее, что враг рода человеческого поистине соблазнит малых сих. И надеть ему на шею жернов и утопить его в пучине морской окажется, увы, невозможно.

...Всё начиналось донельзя банально, как в массе иных романов: Фёдор Солонов открыл глаза. Правда, это потребовало от него таких усилий, словно к каждому веку привешен был многопудовый груз (какой и поднять-то вовсе не возможно).

Болело всё, вне внутренности. Узкая койка – даже не койка, а какая-то полка, как в плацкартном вагоне, – плавно покачивалась. Что-то настойчиво и ритмично стучало, и только теперь Фёдор вспомнил, где он и что с ним.

Варшавский вокзал. Они вели бой, и они прорвались, а потом его ударило. Уже в тамбуре, на волосок от победы. И ударило сильно, раз очнулся в санитарном поезде.

Они куда-то едут. Покачивается вагон, вместе с ним и совсем тусклая ночная лампочка. Федя лежит на нижней полке, рядом широкий проход, и у противоположной стены – другой раненый.

Совсем рядом кто-то шевельнулся – над Фёдором склонялась совсем молоденькая девушка в косынке сестры милосердия. Стой, я же её видел – да-да, видел, когда ненадолго вернулось сознание, перед тем как вновь погаснуть!..

Девушка устало улыбалась. Под глазами залегали тёмные тени.

– Как вы себя чувствуете, милый кадет?

«Милый» было обычным обращением сестёр – не зря же они прозывались сёстрами милосердия.

Где же он видел это лицо – лицо не писаной красавицы, но и впрямь какое-то тонкое, воздушное, будто иконописное?..

– С-спасибо, с-сестра... Чувствую хорошо...

– Подать вам что-нибудь? – участливо спросила она. – Воды?

Фёдор с трудом кивнул.

– Немного, – строго сказала она, осторожно подсовывая тёплую ладошку под стриженный Фёдоров затылок. – Так Иван Христофорович велели.

Простая вода показалась Фёдору напитком богов. Холодная освежающая волна прокатилась вниз по телу, и, кажется, даже болеть стало меньше.

– Где... я?

– Вы в санитарном поезде Её Величества императрицы Марии Фёдоровны, – сестра подпустила в голос чуть-чуть официальности. – Мы все едем на юг. Куда – не знаю, милый кадет. Вас ранило, когда бой уже почти кончился.

– Но... мы же...

– Тсс, тише, тише, ради Бога! – испугалась девушка. – Иван Христофорович услышат, заругаются. Да, мы победили. Вырвались из города. Собрали всех, кого могли. Вот... и наш поезд тоже.

– А... вы...

– Татьяна. Просто Татьяна.

– Спасибо вам, мадемуазель Татьяна...

– Ах, бросьте, Фёдор Алексеевич. Я... слышала, как вы с друзьями спасали... государя.

И глядела с этой странной, удивительной русской теплотой в глазах, что только у нас и встретишь в женском взоре.

– Да что вы, мадемуазель... мы ничего и не сделали...

– Вы с господином Аристовым ворвались в узилище, где заточили государя с... с цесаревичем. Освободили их, доставили через весь город, под пулями, под обстрелом...

– Ну... доставили, – признался Фёдор. – Но это всё Константин Сергеевич, полковник Аристов! Он всё спланировал. А когда от ДПЗ прорывались, так это Севка Воротников с пулемётом дорогу расчистил!..

– А вы, Фёдор? – Большие тёмные глаза поблескивали. И соврать ему уже не удалось:

– Я за рулём сидел.

– Вот! Вот! Я же говорила! Вы государя спасли!

– Мы все спасли, мадемуазель...

– Всё равно! – настаивала она. – Вы настоящие герои! Знаете, как в «Илиаде»! Или в «Энеиде»! Когда Эней спас отца, – и процитировала:

«Милый отец, если так, —

поскорее садись мне на плечи!

Сам я тебя понесу, и не будет мне труд этот тяжёлый.

Что б ни случилось в пути —

одна нас встретит опасность

Или спасенье одно».

Фёдор совсем смутился, ощутил, как запылали щёки. А ещё вспомнил Лизу.

Которая осталась с матерью в Гатчино. Варвара Аполлоновна Корабельникова наотрез отказалась эвакуироваться, даже когда бои уже шли на окраинах городка. Тогда ещё оставалась надежда, что из столицы вот-вот подойдут «верные части», что неприятель будет отброшен; а потом, когда стало ясно, что немцы и предавшиеся им бывшие наши полки обходят Гатчино с севера...

Глаза Фёдора закрылись сами. Он ощутил, как заботливые руки сестры милосердия осторожно поправляют ему одеяло.

...Они шли строем по Бомбардирской, мимо дома № 11; шли брать станцию, ту самую, где погибнет Юрка Вяземский, и сам Юрка как ни в чём не бывало балагурил и шутил, заставляя всех идти в ногу.

А на крыльце дачи с мезонином стояла Варвара Аполлоновна. Рядом, на перилах – раскрытая коробка с патронами, и хозяйка деловито заряжала свою «американскую дробовую магазинку Браунинга».

– За нас, дорогой Фёдор, не беспокойтесь. Мы отсюда не уйдём. Никогда Корабельниковы ни от кого не бегали, и впредь не побежим.

– Варвара Аполлоновна, немцы совсем рядом. И эти... смутьяны. Бунтовщики. Вы думаете, вам дробовик поможет?

– Кадет Солонов! – хлестнул голос Двух Мишеней.

– Бегите, Федя, бегите. Нельзя от своих отставать. – Мать Лизаветы скрылась в дверях, зато вместо неё на улицу выскочила сама младшая m-lle Корабельникова.

Волосы растрёпаны, кулачки крепко сжаты. Белая блузка, длинная юбка, как положено, до самой земли.

– Феденька!

И они обнялись.

Прямо при всех, никого не стесняясь.

– Лиза, пожалуйста... уходите. Ну хоть ты!..

– Федя... – Его щеки коснулось что-то влажное и горячее. – Ты же знаешь мою муттер – её ломовой лошадьё не сдвинешь... Но ко мне вот Зина пришла, и знаешь, что у неё есть? Револьвер, настоящий!..

– Лиза... не поможет вам ни дробовик, ни револьвер, бегите, Лиза, бегите!

– Солонов! – донеслось вновь.

– Не беспокойся, ну, пожалуйста, – быстро-быстро зашептала Лиза, хватая его за плечи. – Только возвращайся, ладно? И Пете накажи. Что Зина, если с ним что случится, из-под земли его достанет...

И тогда он её поцеловал.

Ну как «поцеловал» – неловко потянулся вдруг вперёд, она потянулась тоже; неловко и неумело ткнулись губами в губы, жарко вспыхнули оба, чуть не в ужасе отпрыгивая друг от друга.

Лиза так и замерла, вновь стиснувшиеся кулачки прижаты к груди, ветер треплет волосы, а Юрке Вяземскому наконец удаётся построить кадет, и они начинают отбивать ногу, сперва как бы в шутку, дурачась, – а потом всё чётче и твёрже, и вот уже колонна кадет чеканит шаг, словно на высочайшем смотре; и люди выбегают из домов, кто-то плачет, кто-то крестит их, а Две Мишени кричит севшим надтреснутым голосом:

– Уходите из города! Скорее! Уходите все, куда угодно, только уходите!..

И в словах его отчаяние, потому что он уже знает – никто не послушается.

Лиза... Лизавета Корабельникова...

– Фёдор?

Нет, это не её голос. Но в нём тоже тревога и забота – настоящие, неподдельные. И что-то ещё, что он смутно чувствует, о чём догадывается, но боится признаться даже самому себе.

– Фёдор Алексеевич? – Кажется, он её испугал, эту милую сестру...

– В-всё хорошо, – выдавил он.

– Вот не надо так больше делать, – наставительно, но с явным облегчением сказала она, в шутку грозя тонким и длинным пальцем, тем самым, что принято называть «аристократическим».

– Не буду, мадемуазель Татьяна... – повинился он.

– Всё, вам надо спать, милый кадет, – она поднялась. – Утром вас осмотрит Иван Христофорович, узнает, что вы ночью бодрствовали, мне попадёт. – Лёгкая улыбка на бледных губах.

– Есть спать. – Фёдор попытался улыбнуться в ответ.

Она молча кивнула и отошла – к своей конторке.

Фёдор Солонов, однако, спать уже не мог. Потому что думал разом о всех, оставшихся позади, – о родителях, сёстрах, Лизе и всех остальных, с кем свела жизнь за годы в корпусе, кого он успел полюбить и кто полюбил его.

Мама, сёстры и няня должны были быть уже в безопасности, во всяком случае, там, у них, не стреляли. Папа... Фёдору только оставалось надеяться, что Туркестанский стрелковый полк сумел пробиться из окружения под Стрельной.

А вот Ирина Ивановна Шульц...

Ох, ох, Ирина Ивановна...

Но на этом месте силы покинули кадета Солонова уже окончательно.
Он спал.

Две Мишени проснулся за минуту до того, как началась стрельба. Что его разбудило – неведомо; только что спал мёртвым сном, чёрной тьмой без сновидений, а вот уже руки сами сбрасывают шинель, натягивая сапоги и спеша нашарить кобуру с оружием.

Бронепоезд сбрасывал ход; с передней площадки звучно и зло лаяло носовое орудие. Где-то невдалеке грянули разрывы; по броне стегнули пули.

– Где мы? С кем бой? – Две Мишени ухватил за рукав пробежавшего мимо штабс-капитана из артиллеристов.

– Торошино. У входных стрелок. Обстреляны со стороны станции, – махнул рукой офицер. – Ваш полковник Яковлев разворачивает цепи.

Вот и кончилась прямая наша дорога... Две Мишени застегнул портупею. Что ж, посмотрим, кого нам на сей раз судьба послала в противники!..

Серый день поздней осени, едва начавшийся рассвет, низкое северное небо, словно потолок блиндажа.

Аристов спрыгнул на насыпь. Со стороны почти невидимых в сумерках окраин Торошино постреливали одиночными, дал две короткие очереди пулемёт. Полковник оглянулся – мост через Пскову остался позади, слава Богу. Не успели взорвать, слишком долго прочухивались.

С обеих сторон к полотну подступал лес, огороды и выгоны начинались дальше. Однако противник всё-таки не совсем спал – от Торошино до окраин Пскова полтора десятка верст, успели выдвинуться. Вот уж воистину, хвала Создателю, что мост цел!

Слева и справа от главного хода уже разворачивались цепи – и кадеты, и гвардейцы, и добровольцы – все вперемешку. Две Мишени встряхнулся, побежал к своим.

– Константин Сергеевич!..

– А вы быстро, Семён Ильич!

– Первыми под гребешок попадём, намекаете, господин полковник? – ухмыльнулся Яковлев.

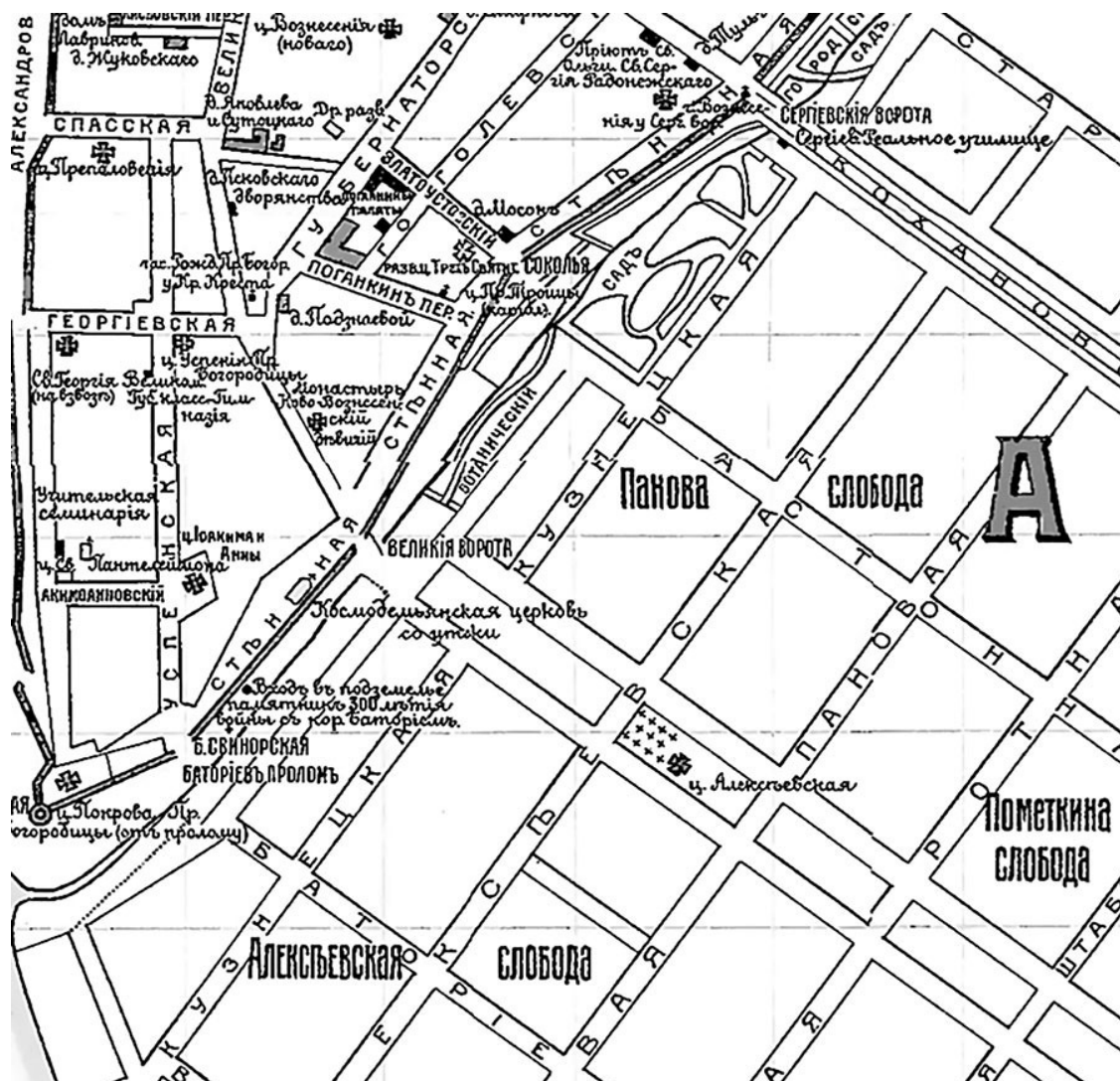
– У нас впереди ещё Черняковицы. – Две Мишени вспомнил карту. – И ещё один мост. Вот что, Семён Ильич. Возьму-ка я своих охотников, кадет, кого сам учил, из первой роты, да пройдемся мы чуток вперёд. Нам у Торошино засиживаться нельзя, того и гляди разберутся псковские, кто б там у власти ни был, «временные» или немцы, да мост и рванут.

Яковлев отрывисто кивнул.

– Я их тут свяжу. Будут заняты. Не сомневайтесь, Константин Сергеевич.

– Как пройдем всю станцию, пушу зелёную ракету. Будьте готовы.

– Будем. Как юные скауты.

Карта г. Пскова, 1890 г. (фрагмент).

...Первых немцев они увидели совсем скоро – на путях и рядом на скорую руку было сложено укрытие из шпал.

Впереди ползком пробирался Воротников, так и не расставшийся со своим пулемётом. Рядом – Бобровский. Эта парочка неразлучна, особенно с тех пор, как без вести пропал их третий, Костя Нифонтов. Рыжий Павел Бушен и Варлам Сокольский – надёжные ребята, отличные стрелки. Вместе с Фёдором Солоновым держали фланговую позицию на дамбе, пока не пришла пора отступать...

Немцы устроились крепко: насыпь, самые подступы к ней, где лес сведён, они простреливали полностью. Но вот чуть в стороне – густой лес. Там у них тоже секрет?..

По левую руку – настоящая чаща, за нею – извивы узкой Псковы. Аристов махнул рукой – его команда, пригибаясь, двинулась через успевший подняться кустарник к тёмным елям.

Немцы на посту не позволяли себе никаких вольностей – ни звука, ни огонька. Но едва ли они тут успели всё облазять...

Пробиравшийся первым Бушен вдруг резко присел, его движение тотчас повторили и остальные. Пашка в темноте видел не хуже кошки.

Бушен жестом указал направление. Как он сумел углядеть залёгшего меж двух елей вражеского солдата – Бог весть, однако вот углядел. Севка Воротников ухмыльнулся, извлёк из кармана тонкую ремennую петлю, продемонстрировал полковнику. Аристов кивнул.

Севка все последние годы оставался непобедимым «первым силачом» корпуса, хотя с Фёдором Солоновым у них не всё выходило так однозначно.

Отработано это было на практических занятиях сотни, если не тысячи раз; и, кто бы мог подумать, применено на летних манёврах 1914 года, когда нынешняя первая рота, а тогда вторая, дерзко нарушила все каноны и регламенты, проникла в тыл условного противника (в роли коего выступали лейб-гусары, не слишком любимые старшими кадетами за неимоверное зазнайство), повязала часовых и захватила штаб, как раз когда гт. штаб- и обер-офицерам был подан обед.

Государь тогда очень смеялся, велел господам проигравшим отдать обед нахальным кадетам. Шалость эта создала александровцам немало недоброжелателей среди золотой гвардейской молодёжи, ну а уж лейб-гусары – те, говорят, на клинках поклялись а) отомстить; б) скоро отомстить и в) страшно отомстить, однако так и не успели...

Кто-то из этих лейб-гусар навсегда остался в Стрельне, кто-то пропал без вести в Петербурге, а кто-то – надеялся Аристов – и сейчас окажется с ними.

Воротников скинул шинель, беззвучно, ползком исчез в зарослях. Все замерли; а миг спустя вдруг хриплый гортанный вскрик, удар тяжёлого тела.

«Чисто убрать» не удалось. То ли немец оказался сильнее, то ли у Севки в последний момент дрогнула рука, но немцы всполошились.

Аристов вскочил, махнул кадетам, увлекая за собой.

Сам Воротников тоже вынырнул из подлеска, подхватил шинель, в руках – окровавленный финский нож.

– Виноват, господин пол...

– Потом! – оборвал его Две Мишени.

Сейчас немцы разворачивают тяжёлый пулемёт. Хорошо, если он у них на колёсном станке; плохо, если на треноге и крутится во все стороны.

Со стороны моста вновь заговорили орудия и пулемёты бронепоезда; раздались один за другим несколько дружных залпов – Яковлев исполнял обещание.

И, едва канонада и треск ружейных выстрелов сделались совсем громкими, Аристов отдал команду.

Его первая рота, его кадеты отлично знали, как действовать. Вынырнули из леса все разом, рассыпавшись; Бушен и Бобровский метнули гранаты, Сокольский прикрыл короткими очередями из верной «фёдоровки»; пули вонзались в пропитанные креозотом шпалы.

Гранаты взорвались как положено – и Пашка, и Лев натренированными движениями закинули жуткие подарочки внутрь штабеля.

Взрыв. Второй. Они утонули в накатывающемся с северо-востока грохоте боя.

– Вперёд!

Понятно, зачем немцам тут секрет в лесу и пулемётное гнедо на насыпи. Стрелки наверняка или переведены в тупики, или выведены из строя. Ясно, что бронепоезд смёл бы это наспех возведённое укрепление, но вот попортить жизнь тем, кто попытается исправить стрелки, оно бы сумело.

Кадеты выбрались на рельсы.

– Осматриваем, глаз не жалеем! Стрелочные переводы в особенности, но и просто башмаки вагонные не забываем!

Стрелки, к счастью, совсем испорчены не были. Пригибаясь, команда Аристова бежала вдоль путей; главное – убедиться, что рельсы нигде не разобраны.

Вторую стрелку враги попытались сломать, пришлось навалиться всем вместе, передвинув направляющую. Но – смогли, передвинули.

Так, крадучись, укрываясь за невысокой насыпью, пробрались до самого выходного семафора. Проверили. Двинулись обратно.

Севка Воротников всё шипел себе под нос какие-то ругательства, что, дескать, всё не так было, как должно, а то бы он!.. – пока Две Мишени не показал ему кулак: тише, мол, совсем голову потерял!

Полковник высоко вскинул руку с ракетницей, в медленно светлеющее серое небо взмыла зелёная ракета. Словно отвечая ей, со стороны моста стрельба и орудийные удары сделались ещё чаще, послышалось отдалённое «ура».

Яковлев и остальные офицеры должны загонять сейчас кадет и прочих обратно в броневые вагоны. Времени у них немного, пока немцы не очухались и не поняли, что к чему.

Однако те, похоже, и впрямь едва успели выдвинуться к Торошино, наспех попортить стрелки да накидать одну на другую шпалы. Ни взорвать мост, ни даже разобрать рельсы – на это не хватило то ли времени, то ли инструмента, то ли сил, то ли всего этого вместе; и не то чтобы кадеты славного Александровского корпуса как-то возражали бы против этого.

Бронепоезд меж тем набирал скорость, и Аристов вдруг хлопнул себя по лбу, вот же ж разиня!.. Немцы его пропустят, а следующие за ним вагоны просто изрешетят.

– Сюда! К стрелкам!

На станции Торошино всего четыре пути. Главный ход и две разъездные колеи. Бронепоезд должен прикрыть другие, незащищенные паровозы с вагонами, особенно государевы и санитарные. Придётся их пропустить вперёд, до следующего разъезда, а там и следующая станция, Черняковицы, и тоже мост!..

Они едва успели.

Бронепоезд свернул на крайний путь, пулемёты резали в упор, башенные орудия стреляли прямой наводкой, и немцы дрогнули. Было их тут, похоже, совсем немного, хорошо, если полурота, и без артиллерии, второпях выдвинувшаяся к станции. Хорошо, что не успели не то что подорвать мост, но и завалить его брёвнами.

Но это они вполне смогут учинить у Черняковиц.

Остальные поезда втягивались на станцию; стрельба отодвинулась от железной дороги, немцев оттесняли на окраины села. Торопились санитары с носилками; раненых грузили прямо в вагоны. Мешкать было нельзя, ждал следующий мост, а потом – развилка в самом Пскове.

И сколько таких мостов с развилками ещё будет? Аристов не успел задавить чёрную мысль. И как они станут прорываться всякий раз? Кадеты, конечно, об этом ещё не думают. Кровь горяча, молоды, каждый выигранный бой – праздник, что дальше – никому в голову не приходит.

Но сейчас у них получилось. Враг оказался недостаточно расторопен, не цеплялся зубами за это село, берег своих, не имел артиллерии. Как-то выйдет дальше?..

Дальше их бронепоезд вновь шёл первым. И сразу за ним – передвинувшийся из хвоста колонны второй. В вагонах тесно от набившихся в них добровольцев – кадеты, юнкера, офицеры, рядовые, унтера, армейцы, гвардионцы, гражданские, полицейские, жандармы – все вперемешку.

Вокзал и телеграфное отделение были покинуты, аппаратура – уничтожена, провода перерезаны, и изрядные их куски просто исчезли.

У следующего моста их уже ждали разобранные рельсы и хоть и наспех, но наваленная баррикада. Здесь противник успел развернуться.

Серый ноябрьский день окончательно вступил в свои права. И так же, буднично и делово, добровольцы выгружались из поездов, вновь разворачиваясь в цепи справа и слева от дороги.

К офицерам-александровцам подошли другие – несколько полковников и подполковников гвардейских полков, все, кто сохранил под своей командой хотя бы взвод.

– Господа, – Аристов заговорил первым. – Генералов среди нас нет, так что давайте без чинов. Торошино проскочили, а тут придётся повозиться. Противник занял оборону по дру-

гому берегу Псковы. Мост завален. Рельсы, насколько можно видеть, перед ним разобраны. Выход я вижу в немедленной атаке.

И собравшиеся, несмотря на гвардейские полковые значки, украшавшие мундиры, молчаливо признавали сейчас его право начинать: все уже знали, кто именно освободил государя.

– Через мост? – заметил пожилой дородный полковник с орлом Академии Генштаба и значком лейб-гвардии Измайловского полка. – Помилосердствуйте, Константин Сергеевич, вас же сметут!..

– Через мост атаковать – безумие, – дружно поддержали остальные.

– Кто сказал «через мост»? – удивился Две Мишени. – У нас на левом фланге – дачи. Используя взятые там подручные материалы, переправиться через Пскову, ударить в тыл красным...

– Кому? – дружно удивились слушатели.

– Да так, к слову пришлось, – смутился полковник. – В Питере-то у них сплошь красные знамена, да и «гвардия» у них «красная».

– Красные, синие, зелёные, какая разница, Константин Сергеевич! Продолжайте, прошу вас. Значит, план атаки, по вашему мнению?..

Из дневника Пети Ниткина,

1 ноября 1914 года, Псков

«...а потом Две Мишени приказал вязать плоты. Я сказал, что надо снимать ворота с дач, калитки, двери и всё прочее, и получил похвалу. Я заметил было, что хвалить меня не за что, ибо сей способ очевиден любому, кто внимательно читал “Описание боевых действий персидской войны” Викновского, но тут наш командир как-то странно на меня посмотрел, и я подумал, что лучше не продолжать.

Мы сняли до полусотни дверей и ворот. Река Пскова, как известно каждому, освоившему “Курс гидрологии прибалтийских губерний”, неширока, от восьми до десяти сажень. Противник наш укрепился на правом её берегу, однако вправо и влево от моста позиции его тянулись самое большее на сто – сто пятьдесят сажень, и мы, сделав захождение левым флангом, переправились без выстрелов.

Отряд наш оказался весьма разношёрстным. К первой роте нас, александровцев, прибавились лейб-казаки, взвод «павлонов», взвод николаевцев и ещё до полуроты разных чинов, включая гражданских добровольцев.

Не встречая сопротивления, мы выдвинулись в тыл противника.

Прежде, чем нас заметили, Две Мишени отдал приказ каждому зарядить все имеющиеся магазины к нашим “фёдоровкам”. После чего скомандовал “цепи – встать!”, и мы пошли. Артиллерия бронепоездов открыла частый огонь; корректировка осуществлялась по выносному телефону.

Ведя частый огонь, мы атаковали. Противник, поражаемый с фронта и тыла, совершенно растерялся и, почти не оказав сопротивления, бежал в сторону Пскова, бросив на позициях новые германские пулемёты. Бегло осмотрев оставленные окопы и подобрав трофеи, мы также взяли пятерых пленных, все – раненые. Краткий допрос показал, что немцев здесь не было,

все они во Пскове, здесь же нам противостояла 2-я рота запасного батальона 94-го Енисейского пехотного полка 24-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса.

Мы без промедления приступили к разбору завалов. С бронепоездов прибыли ремонтные команды, занявшиеся восстановлением рельсошпальной решётки. В три часа пополудни эшелоны нашего l'entourage начали пересекать Пскову...»

– Последняя остановка, господа, перед Псковом.

– А там – батальон немцев.

– И запасники енисейцев...

– И эта, как вы говорите, Константин Сергеевич, – «красная гвардия»?

– Да, Владимир Зенонович. «Красные». Рабочие отряды. Пролетариат, коему нечего терять, кроме его цепей...

Бронепоезд осторожно, крадучись, пробирался по рельсам, можно было ожидать новых засад, завалов и разобранных путей. До Пскова оставалось совсем немного.

Штабной вагон слегка покачивало. Над самыми крупными, какие только нашлись, картами города и окрестностей склонялись головы полудюжины офицеров.

Полковники, подполковники, капитаны.

На карту небрежно брошены пара офицерских линейек, синие и алые карандаши.

– Солянка сборная, – заявил дородный полковник, кого Аристов назвал Владимиром Зеноновичем.

– У нас не лучше, – возразил Яковлев. – Сколоченные подразделения – только наши кадетские роты да отчасти павлоны. У нас, эвон, даже ни одного генерала нет!

– Ни одного, Константин Сергеевич, – развёл руками тот самый Владимир Зенонович. – Кто в столице остался, кто где. На вашего покорного слугу производство-то уже лежит, но... гусарского зигзага на погонах пока что нету.

– А весь Генеральный штаб где? – бросил полковник Чернявин, начальник третьей роты александровцев. – И гвардия где вся? Туркестанцы?

– Гвардию выманили на побережье, к Стрельне и Петергофу, – досадливо сказал капитан с золотым крестом – знаком лейб-гвардии 4-го стрелкового полка. – Десант, по всем правилам. Мы получили известие, немедля выступили из Царского Села. Это, господа, было... – Он помотал головой, пальцами оттянув ворот, словно тот немилосердно жал. – Форты и флот восстали, немецкие дредноуты вошли в Морской канал... нас накрыли двенадцатидюймовой артиллерией. Мы держались, сколько могли, отразили четыре штурма. А потом они нас обошли. Въехали в столицу по Николаевской дороге, безо всякого сопротивления... Вы спросили про туркестанцев, господин полковник... они были с нами. Дрались героически. Из окружения мы пробивались мелкими группами, мне вот и другим повезло чуть больше. Добрались до города, держали мосты через Фонтанку.

– Генерал-майора Солонова там не встречали?

– Солонова? Начальника гвардейской бригады? Нет, не встречал. Слышал, что он там был. А куда потом делся – Бог весть.

– Будем надеяться, что жив...

Томительный день уступал место вечеру. Два боя, две удачи. Почти нет потерь (пока). Во всё том же штабном вагоне перед офицерами стоял пленный в накинутой на плечи шинели, голова, левая рука и плечо перевязаны. Перевязаны хорошо и плотно, чистыми новыми бинтами, которые ещё не приходится кое-как отстирывать и кипятить, потому что материал для них взять уже неоткуда.

Пленный, немолодой, бородатый – в запасных полках и батальонах нижним чинам отчего-то разрешалось не бриться, – он стоял, глядя прямо перед собой и баюкая раненую руку

на перевязи. Взгляд у него был странно-пустым, словно и не в плену он оказался, а терпеливо ждал в томительном присутствии, ждал непонятно чего, но твёрдо намерен был во что бы то ни стало дожидаться.

– Ну, сударь наш Кондрат Матвеев, расскажи, как ты дошёл до жизни такой. – Пожилой полковник с измайловским значком явно пытался показать, что главный тут он – по срокам старшинства чина. – Расскажи, почему и отчего изменил ты государевой присяге?.. Кто тебя на это подбил? Кто всем заправляет? И где командование полка твоего? Где полковой начальник, полковник Чермоев? Где все офицеры?

Названный Кондратом Матвеевым немолодой солдат – хотя какой из него солдат – мужик в солдатской шинели! – вяло взглянул на полковника.

– Ня знаю никакой присяги, – равнодушно ответил он. – Жисть наша бедная, тяжкая, с крапивы на лебеду перебиваемся. Какая тут присяга, господин хороший?

– Как это «никакой присяги»?! – аж подскочил Владимир Зенонович. – Ты чего несёшь?! Пьян, скотина, что ли?!

– А так, – Матвеев не испугался. – Присяга, я так мыслю, когда не только мы, но и нам. Вот мы-то да, и подати, и повинности, а нам что? Народу всё больше, пашни всё меньше, у бар-то, эвон, земли – взглядом не окинуть! А нам, пахарям, – хрен с солью доедать, да и то если соли достать повезёт!..

– Вот же мерзавец какой!

– Спокойнее, Владимир Зенонович, прошу вас, – поморщился Аристов. – Отвечайте на вопросы, рядовой Матвеев. Кто начал мятеж в полку?

– А никто и не начинал, – по-прежнему равнодушно, но не запираясь ответил пленный. – Немцы приехали с Риги. А с города Питера, им навстречу, – агитаторы...

– И полковое начальство не отдало приказ оказывать вторгшемуся в пределы Отечества неприятелю всё возможное сопротивление?! – опять не сдержался Владимир Зенонович.

– Мож, и отдало, а мож, и ни. – Кондрат пожал плечами. – Ня ведаю. Наш батальон запасной был. К нам агитаторы в казармы зашли. И говорить начали.

– А офицеры?

– А не было никого.

– А куда ж они делись?! – не выдержал капитан царскосельских стрелков.

– А у них свои агитаторы сыскались, – уже охотнее пояснил пленный. – Которые за Временное собрание энто агитировали. Ну, чяво, верно всё говорили. Что царей быть не должно, сам народ собой править должен. Это верно, я тебе, господин хороший, и сам скажу: мы в деревне всё миром судим да решаем, как повелось. А те, что на отруба пошли, мироеды эти, чтоб земля их бы не носила...

– Стой! погоди. Значит, офицеры полка тоже изменили присяге?!

– Ня ведаю, – отвернулся солдат. – То ваши дела, господские. Простому народу до вас дела нет.

– Значит, про присягу ты, раб Божий Кондрат, ничего не помнишь и помнить не хочешь, офицеры, по твоим словам, разбежались, – а кто ж вас сюда, к мосту, в таком случае вывел? Кто командовал?

– Комиссары, – ответил Матвеев. – От Временного собрания, значит, комиссары. И от этих, от большаков.

– Каких ещё «большаков»?!

– Он имеет в виду «большевиков», Владимир Зенонович. Российскую социал-демократическую рабочую партию. Её преобладающая фракция присвоила себе название «большевики». Самые фанатичные и непримиримые.

– Про эсдеков слышал, про этих ваших «большевиков» – нет.

– Боюсь, господа, очень скоро мы только о них и будем слышать... Так, значит, комиссары? Как зовут, кто такие?

– Один наш, псковской, – не стал запираться пленный. – Из городской думы. А другой вот, который от большак... большевиков, он с Питера приехавши. Рабочий человек, руки мозолистые. Боков звать, Тимофей Степанович. Вот он-то лучше всех и говорил.

– И чего же говорил?

– Как чего? – даже удивился Кондрат. – Дык всё про то же! Власть – народу! Землицу – нам, пахарям! Заводы – рабочим!

– Всё то же самое... – пробормотал Аристов.

– Слова простые, но действенные, – нехотя кивнул Яковлев.

– Пустая демагогия всегда зажигательно действовала на чернь, – презрительно бросил Владимир Зенонович.

– А ты меня не черни тут! – вдруг огрызнулся Матвеев. – Видали мы господинчиков таких... во всех видах видали. Всё, кончилось ваше время! Иная жизнь-то теперь пойдёт, новая, справедливая!

– Молчать! – вскипел полковник. – Да я тебя, быдло!.. Расстрелять! За измену присяге!

– Владимир Зенонович! Господин Ковалевский!.. – раздалось со всех сторон.

И вдруг:

– Пусть говорит, полковник.

Это произнёс голос сильный, низкий, настоящий бас.

Кто-то из офицеров заполошно вскочил, кто-то вскрикнул: «Господа!..»

В узком проёме бронедвери штабного вагона стоял государь.

Он сменил одежду на простой военный мундир с единственной наградой – Георгиевским крестом, полученным ещё за командование Восточным отрядом в турецкую кампанию. Белая борода расчёсана, и сам император, казалось, приободрился, расправил плечи, распрямился, несмотря на груз пережитого.

– Говори, добрый человек. А вы садитесь, господа, садитесь.

Все так и замерли.

– Садитесь, господа, – с лёгким оттенком раздражения повторил государь. – А ты отвечай, раб Божий.

– А чего отвечать-то, – хрипло отозвался Кондрат, невольно облизнув губы. – Был царь, да весь вышел. Таперича свобода. Таперича заживём. Вот и весь сказ!..

– Куда ж это я, по-твоему, вышел, а? – усмехнулся Александр Александрович.

– А вон ты и вышел! Нет теперь царей! А будет наша, народная, мужичья власть!

– И что ж ты с этой властью делать-то станешь, как тебя, Кондрат Матвеев?

– А что похочу, то и сделаю! Землю первым делом у бар заберем!

– Скажи, Кондрат, а много ль у этих бар той земли? – спокойно осведомился император. – Вот ты откуда родом?

– Здешний я, псковской.

– Ну и есть ли в твоей родной деревне эти самые баре? Отвечай, да правду говори.

– В нашей-то нет...

– А где есть?

– Да вот ближе к Пскову есть! И много!

– А ты знаешь, сколько точно?

– Нет! – отрезал Кондрат. – Только люди сведущие говорят, что землицы маловато только у нас, в Причудье, тут леса да болота, а где пашня-то получше – так всё под барами! Вот у них и отобрать!

– Значит, Кондрат, в твоей родной деревне бар нет и отбирать землю не у кого?

– Как это «не у кого»?! – возмутился пленный. – А мироеды наши, отрубные которые? Кровопийцы, из общины повыходили, землю себе загребли, хуторов понастроили, а придёшь на бедность муки пригоршню в долг взять – мешок вернуть потребуют! Вот у них и отобрать! Землица – она общая, мужичья, наша! Мир ею управит, по справедливости, а хозяев этих нам не надобно! Ни бар, ни кулачья!

– Да как ты смеешь, морда!.. – снова вскинулся полковник Ковалевский. – С кем говоришь, забыл, холоп!..

– Пусть говорит, – слегка сдвинул брови император. – Успокойтесь, *полковник*.

– А я всё сказал, – Кондрат дерзко вскинул голову. – Что, расстрелять прикажешь? Давай, стреляй, в твоей я власти. Ваш сегодня денёк, да только год не кончен.

– Стрелять своих подданных, даже набедокуривших, не в моих правилах, крестьянин Матвеев. Ступай, Кондрат, на все четыре стороны. Ты никого не убил, не ранил. Голову тебе задурили, в прельщение ты впал. Молиться тебе надо, грехи чтобы отпустил Господь... Но – иди. Отпустите его, господа. И других пленных тоже. Негоже русскую православную кровь лить, аки водицу. Слышите? Отпустите его.

Капитан царскосельских стрелков первым оказался возле Матвеева, взял того за здоровый локоть.

– Пошли. И благодари государя, милость Его Ве...

– Ну нужно мне никаких благодарностей, – перебил императорский бас. – Пусть идёт. И товарищам пусть расскажет. Глядишь, чего и поймёт. Ступай, раб Божий Кондрат, ступай. У тебя, поди, семья, дети?..

– Так точно... г-государь... – растерянно выговорил солдат. – Жона, детей пятеро...

– Вот к ним и ступай, – решительно сказал государь. Полез в карман, извлёк желтоватую небольшую монетку. – Вот тебе, за смелость. Жене гостинца купи.

Кондрат Матвеев, казалось, совсем растерялся. Замигал, глядя на золотой кружок пятинадцатирублёвого империяла, а потом неловко поклонился.

– Б-благодарствую... В-ваше Величество...

– Ступай, – в третий раз повторил самодержец. – Проводите его и остальных через посты, господин капитан. Вы что-то хотите сказать, господин полковник? Вы...

– Генерального штаба полковник Ковалевский, Ваше Императорское Величество! Начальник 44-го Камчатского полка, откомандирован в столицу для назначения на должность начштаба дивизии...

– Достаточно, – прервал государь. – Что хотели сказать, полковник? Вижу, вы не робкого десятка, как и солдат этот.

– Виноват, Ваше Императорское Величество! Хотел лишь высказать мнение, что щадить бунтовщиков нельзя. Каждый отпущенный мятежник не милость вашу, государь, вспоминать будет, а рассказывать, как ловко он тут всех обманул, вокруг пальца обвёл; и другим накажет ничего не бояться!.. В пятом году, государь, на Транссибе, как десяток зачинщиков вздёрнули по приговорам военно-полевых судов, так всё и кончилось!..

Ковалевский страшно разволновался; лицо его, одутловатое, некрасивое, с огромным носом, стало совершенно багровым.

– Должно нам порой миловать и виноватых, – остановил его император. – Но вас, полковник, я понял. Каждый исполнит свой долг наилучшим образом, помоги нам Господь.

Государь направился к выходу; офицеры вновь вскочили.

– А вы, полковник Аристов, – обернулся Александр Александрович, – благоволите пожаловать потом к нам, коли труды ратные вам позволят...

И с этими словами шагнул через порог.

Из дневника Пети Ниткина,

2 ноября 1914 года, Псков

«...Решил, что стану записывать каждый день, и как можно более подробно. Итак, после взятия Черняковиц мы подошли к окраинам Пскова – городским выгонам и огородам. Весь личный состав развернулся в боевые порядки; на правом фланге лейб-казаки и гвардионцы; в центре мы, александровские кадеты, 1-я и 2-я роты, с оставлением 3-й в резерве. Слева от нас – «павлоны» и другие юнкера, с ними гражданские добровольцы и армейские чины.

Впрочем, гражданских почти уже не оставалось. Две Мишени предложил назвать наш отряд Добровольческой армией – явно *оттуда*; слова его тотчас подхватили, Государю тоже понравилось.

Так мы все сделали добровольцами. И это было странно. Как же так? Ведь с нами сам император, законная власть, помазанник Божий; какие же мы добровольцы? Мы исполняем свой долг, мы верны ему; так отчего же?

А потом по вагонам нашим молнией разнеслись слова Государя с военного совета: “Русская армия с народом русским не воюет. Даже если народ этот впал в прельщение”.

Сперва я грешным делом подумал, что Его Величество ошибается. Приходилось, и не раз, армии вмешиваться, подавляя бунты. Да и мы сами, александровские кадеты, крепко помнили события 1908 года, когда были мальками, младшим возрастом, седьмой ротой. Что ж тогда происходило? В кого мы стреляли, мы и другие защитники престола?

Но потом я осознал, что ошибаюсь. Мы стреляли в мятежников, но мы не воевали. Черта, проведённая пред нами, была совершенно чёткой. Конечно, ещё Макиавелли изрёк, что “нельзя назвать и доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость и нечестивость”, однако он же добавлял – “говорят, что лучшие всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надёжнее выбрать страх”.

А чтобы внушить страх, нам следовало стать чем-то иным. И мы стали – Добровольческой армией. Государь не отдавал нам приказа; мы сами взяли за оружие для защиты его и России; мы не старая армия, что служит для поражения врагов Отечества, врагов внешних; мы те, кто добровольно взял на себя тяжкий и неблагоприятный труд врачевания открытых ран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.